

В ДОРОГЕ...

по повести В. Кондратьева «Сашка»

Переложение для театра
Юрия Лоттина

С.-Петербург,
2019 г.

Действующие лица:

САШКА

ЛЕЙТЕНАНТ ВОЛОДЬКА

ЗИНА

ПАША

НЕМЕЦ

РОТНЫЙ

КОМБАТ

ТОЛИК, ординарец

ВОЕННЫЙ ВРАЧ

СТАРШИЙ ЛЕЙТЕНАНТ

ЖОРА

БЕЗРУКИЙ

РАНЕНый

МЕДСЕСТРА

ЛЮБА

НИНА

СТЕПАНИДА

ИНТЕНДАНТ

КАПИТАН

КАТЯ

ТОНЯ

МОСКВИЧ

А также –

солдаты, раненые, женщины в деревне, люди на вокзале.

ПРОЛОГ

Калинин. Железнодорожный вокзал. Гул людских голосов, гудки паровозов, шипение тормозов, объявления и музыка из репродукторов сплетаются в бодрящий, оптимистичный вокзальный шум.

На одной из скамеек, под фонарем, сидит С а ш к а, рука у него на перевязи. Рядом с ним – две молоденькие девушки с вещмешками, в новой военной форме.

КАТЯ. Саша, вы запомнили? Вам в Клину выходить... а там через пятнадцать минут пересядете на московский... хотя расписание могло и измениться.

ТОНЯ. Нет, Катя, в Москву – расписание твердое!

САШКА. Да я через месяц опять на передовую. Просто – короткий отпуск. Отпуск по ранению, называется! Ха-ха...

ТОНЯ. Вы такой уставший... есть хотите?

САШКА *(схватился за больную руку)*. Всю ночь не спал. В поезде так трясло, что рука до сих пор ноет.

ТОНЯ. Вам хлеба не нужно?

САШКА. Хлеба?... Сколько стоит?

ТОНЯ *(смеётся)*. Что вы? Мы не продаем... Мобилизованные мы, из Москвы в часть едем. Здесь пересадка.

САШКА. Довоевались, девчонок в армию забирают!

КАТЯ. Ну, наши мамы... дали нам на дорогу продуктов разных, а мы здесь в продпункте еще получили. Куда нам столько!

ТОНЯ. Ну, мы и решили... Вы ведь с фронта?

САШКА. Да, с Калининского.

ТОНЯ. Я сейчас... *(Достает из вещмешка кружку и убегает.)*

САШКА. Вот телогрейка обгорела, ушанка *(показывает)* пробита в двух местах, весь в грязи, небритый... совсем чумазый, одним словом.

КАТЯ. Мы видим: раненый... Ну, вот и хотим с вами поделиться.

Пауза. К а т я достает хлеб, колбасу, делает бутерброды, протягивает С а ш к е. Т о н я возвращается с кипятком, достает из своего вещмешка сахар, бросает его в кружку, размешивает и передает её С а ш к е.

ТОНЯ. Вот кипяточек... с сахаром.

САШКА. Я на передке ел сахар вместе со снегом... *(смеётся)*. Вкусно!

КАТЯ. Да вы ешьте, ешьте!

САШКА. Ну что вы... Спасибо! Зачем так много? *(Пьет, обжигаясь.)* Как зовут-то вас?

КАТЯ. Меня Катей, а она – Тоня.

САШКА. Спасибо, девоньки! *(Оглядываясь по сторонам.)* А народу, народу-то сколько вокруг... И военных, и гражданских. Вон их сколько в неоскудной-то России...

ТОНЯ. Ну, как там на фронте?

Пауза.

САШКА. А зачем вы на войну, девочки? Не надо бы.

КАТЯ. Что вы! Разве можно в тылу сидеть, когда все наши мальчишки воюют?

ТОНЯ. Стыдно же...

САШКА. Значит... добровольно вы?!

ТОНЯ. Разумеется! Все пороги у военкомата оббили.

КАТЯ. Помнишь, Тоня, как военком нас в начале... отбрил?

Обе смеются.

ТОНЯ *(восхищенно глядя на Сашку, вдруг запела).*

Саша! Ты помнишь наши встречи
В приморском парке на берегу?
Саша! Ты помнишь теплый вечер,
Весенний вечер, каштан в цвету?
Нет ярче красок
Нигде и никогда...
Саша! Как много в жизни ласки...

(Смутившись, прекращает петь.)

КАТЯ. Вас сильно ранило?

САШКА. Да нет. Двумя пулями, правда, но кость не задета.

КАТЯ. А немцев вы видели?

САШКА *(смеётся)*. Как вас сейчас.

ТОНЯ. Неужто? Так близко?

САШКА. Куда ближе. Дрался я с одним... даже в плен его взял.

КАТЯ. Это он вас ранил?

САШКА. Нет, меня снайпер подцепил. Столько смертей за эти месяцы повидал страшно вспомнить... Непохожа война на то, что представлялось мне в сорок первом, в глубоком тылу, там, на дальнем Востоке... на то, что мы читали когда-то в книжках про гражданскую войну...

КАТЯ. Скажите... только правду, обязательно правду. Там страшно?

САШКА. Страх не ощущаешь... только злость. *(Помолчав.)* Злость и

охотничий пыл – непременно настичь немцев и перестрелять...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1

В темноте слышен голос С а ш к и: «Стой, мать твою! Стой, сволочь! Хальт!»

Приговор. На земле распластался Н е м е ц, он пытается вырваться из-под навалившегося на него С а ш к и, сбросить его. С а ш к а левой рукой заломил руку Н е м ц а с автоматом, а правой крепко прижимает его к земле, потом бьет его в висок, по шлоте, по лицу. Н е м е ц теряет сознание.

САШКА. Теперь не уйдешь, гад... Не уйдешь!

ГОЛОС РОТНОГО. Сашка! Где ты? Сашка!

САШКА (*кричит*). Здесь, командир! Я фрица взял!

ГОЛОС РОТНОГО. Иду, Сашок! Крепче держи его, не выпускай!

Тяжело дыша, Р о т н ы й упал справа от С а ш к и, вырвал у Н е м ц а автомат и отбросил в сторону, затем сорвал у него с пояса гранату с длинной деревянной ручкой.

РОТНЫЙ (*отвалившись от Н е м ц а*). Теперь можешь отпустить.

САШКА. Ну что? Не ушел, зараза! (*Отдышавшись, рассматривает Н е м ц а. Удивленно.*) Молодой какой, совсем сосунок...

РОТНЫЙ. Молодец! Как это вышло?

САШКА. А шут его знает. После обстрела я с краю проскочил – никого. Ну, думаю, упустили фрицев. Потом приподнялся... и тут вижу! А у меня диск пустой, запасной я же вам отдал... Хотел было метнуть гранату, но раздумал. Побоялся прибить немца насмерть, он ведь, гад, нам живьем нужен?

РОТНЫЙ. Кровь? Он что, раненный?

САШКА. Да нет. Это я как-то случайно... по носу его вдарил.

С а ш к а сворачивает сигарку. У Р о т н о г о одна рука

ранена.

РОТНЫЙ. И мне сверни.

С а ш к а пытается выбить огонь из зажигалки-«катюши». Н е м е ц, приподнявшись, достает из кармана зажигалку и протягивает Р о т н о м у.

Гляди, какие мы вежливые! *(Повертев зажигалку в руках, отдает её обратно Н е м ц у.)*

САШКА. Хорошая зажигалка. *(Рассматривает Н е м ц а, который сидит теперь между ним и Р о т н ы м.)* Посмотрите, он еще с веснушками... совсем как русский. *(Смеётся.)*

РОТНЫЙ *(С а ш к е)*. Эй, ты, поосторожней, немцы могут огонек заметить.

САШКА *(прислушивается)*. Ишь, все не кончат никак обстрел, заразы. Прибьют тебя свои же, слышишь, фриц. Ферштеен?

Н е м е ц молчит, прижимая к носу платок, весь залитый кровью.

Может, рванем, товарищ командир?

РОТНЫЙ. Нет, подождем маленько. До рощи порядочно, могут пулеметом прихватить. Место-то открытое. *(Раскрывает планшет, достает бумагу и что-то быстро пишет.)* Забрали у нас немцы одного...

САШКА. Это... наверное, напарника моего, с кем я на посту стоял... Эх, негораздъ какая!

РОТНЫЙ. Да, его. *(Серьезно.)* Это очень плохо.

САШКА. Достанется вам?

РОТНЫЙ *(махнул рукой)*. Не в этом дело... Вот тебе рапорт начальству. Ну, и сам расскажешь, как все было... Веди немца в штаб.

САШКА. В штаб?

РОТНЫЙ. Да. Мне в роту нужно возвращаться. И смотри, чтоб не случилось с ним чего по дороге. Этот фриц прикрывал разведку, он много чего рассказать может. *(Н е м ц у.)* Встать! Шнель! Шнель! *(С а ш к е.)* Понял? Ну, ладно, иди... *(Прихватив немецкий автомат и махнув С а ш к е на прощанье здоровой рукой, исчезает в кустах.)*

САШКА. Ну, пошли. *(Щелкнул затвором автомата. Н е м е ц, сделав шаг, обернулся.)* Чего боишься? Мы – не вы. Пленных не расстреливаем... Мы *(ударяет себя в грудь)* ни хт шиссен тебя. *(Уставив палец на Н е м ц а.)* Ферштеен?

2

Дорога в лесу. С а ш к а и Н е м е ц.

САШКА (*присев на ствол поваленного дерева, начал наскребать по карманам махорку*). Передохнем, фриц... (*Н е м е ц вытаскивает смятую пачку сигарет и протягивает С а ш к е.*) Ладно... попробуем вашего табачку. (*Н е м е ц чиркнул зажигалкой, поднес С а ш к е огонек. Курят молча.*) Жаль, немецкого не знаю, поговорили бы... Учил когда-то в семилетке, но все слова выветрились куда-то... Зубрили стишки разные. А для чего?.. (*Плюет.*) Спросить бы сколько орудий и минометов у вас, как с кормежкой, сколько сигарет в день получаете... Почему перебоев с минами нет?

С а ш к а, заметив лежащую у дерева листовку, поднял её, расправил и дал Н е м ц у.

НЕМЕЦ (*просмотрев*). Пропаганден.

САШКА. Какая тебе пропаганда! Правда это! Это у вас пропаганда! А у нас – правда! Понял?.. Мог я тебя прихлопнуть? Мог! Гранату под ноги – и хана! (*Вырывает у Н е м ц а листовку.*) Валялся бы сейчас без ног и кровью исходил. «При попытке к бегству» – и спросу никакого... А я не стал! А почему? Потому как люди мы! А вы – фашисты!

НЕМЕЦ. Их бин нихт фашист.

САШКА. Ну да, рассказывай... Скажи – Гитлер капут! Ну, скажи... (*Н е м е ц молчит.*) Вот, значит, фашист, раз молчишь.

НЕМЕЦ (*упрямо*). Их бин нихт фашист. Их бин дейче зольдат. Их бин дейче зольдат!

САШКА. Заладил – зольдат, зольдат... А ну тебя! Что я, с тобой политбеседу проводить буду? (*Возвращает Н е м ц у листовку.*) Шнель, пошел!

Н е м е ц, аккуратно сложив листовку, прячет её в кармане мундира.

САШКА. Ну, пошли! (*Н е м е ц поднялся.*) Ты кем на гражданке был? Арбайтер или бауэр?

НЕМЕЦ. Штудент.

САШКА. Вот оно что! Грамотный, выходит... а в Гитлере не разобрался. Эх ты... штудент, а пошел с фашистами.

НЕМЕЦ (*устало, обреченно*). Их бин нихт фашист...

САШКА. Это я уже слыхал. Ну ладно, пошли.

3

*У блиндажа Комбата. На бревне сидит ординарец
Т о л и к.*

САШКА. Здорово. Мне к Начштаба или к Комиссару.

ТОЛИК (*лениво*). Нет никого. Всех в штаб бригады вызвали.

САШКА. Тогда к Комбату.

ТОЛИК. Сказано, нет его. (*Пауза.*) К нему нельзя.

САШКА. Я же с немцем, разве не видишь?

ТОЛИК. Нельзя! Я же сказал!

САШКА. Чего заладил: «Нельзя, нельзя!» Пойди доложи. Немецкая разведка сегодня на нас нагрнула. Выбили мы их и вот фрица взяли. Доложи.

ТОЛИК. Ишь, какой умелец нашелся. Доложи да доложи... Не велел Комбат никого пускать. Понял?.. Понимаешь, больной он сейчас... Несчастье тут у нас: убило вчера Катю нашу. Переживает Комбат... не в себе.

САШКА. А куда мне теперь, с фрицем?.. Может, его в штаб вести надо? Так я отведу. Только Комбат приказать должен.

ТОЛИК. Ты его, что ли, взял?

САШКА. А кто же еще?

ТОЛИК. Кроме тебя, что ли, и народу на передке больше нет, чудило?

САШКА. Я, самолично. Только под конец ротный подмогнул.

ТОЛИК (*усмехаясь*). Герой!

САШКА. Может, и не герой, а повозиться пришлось. Я ж его с пустым диском брал, в рукопашной. Ну, иди, доложи.

ТОЛИК. Фриц-то не из здоровых. Такого взять – большого ума не надо.

САШКА (*зло*). Иди, доложи.

ТОЛИК. Уж ...так и быть. (*Спускается в блиндаж.*)

САШКА (*Н е м ц у*). Не бойсь... Комбат у нас мировой мужик.

4

В блиндаже. За столом, на котором среди разбросанных окурков и кусков черного хлеба, стоит открытая банка консервов, бутылка водки и кружка, сидит К о м б а т. Он небрит, под глазами темные круги, волосы спутаны, гимнастерка растегнута, на плечи наброшена шинель. Перед ним раскрытая планшетка с картой. Входит Т о л и к, за ним – С а ш к а с Н е м ц е м.

КОМБАТ (*отпил из кружки, откашлялся*). Я слушаю.

С а ш к а передает К о м б а т у рапорт Ротного. Тот, прочитав записку, выругался и ударил кулаком по столу.

Разини! Этого в плен взяли... а своего проморгали! Судить буду ротного. Заливает мне – выбили, отбили... Судить! *(Отпив из кружки, взял из пачки «беломорину», закурил, подошел вплотную к Н е м ц у. Н е м е ц, не выдержав взгляда, отвел глаза и потупился.)* Немец... так вот ты какой, немец... Сейчас ты мне все расскажешь, фашист недобитый, все! Толик, где разговорник?

Т о л и к бросился к топчану, вынул из-под матраса растрепанную книжку и подал К о м б а т у.

САШКА. Товарищ капитан, разрешите...
КОМБАТ. Вышли оба!

5

У блиндажа Комбата.

САШКА *(растерянно)*. Я его таким никогда не видел... Думал, обрадуется Комбат «языку». Ну, хотя бы похвалит... Да... нехорош Комбат сегодня.

ТОЛИК. Говорю же, не в себе он. Когда хоронили Катю, страшно на него глядеть было – все губы искусал, почернел весь...

САШКА. Значит это её могилка на опушке, закиданная еловыми ветками?

ТОЛИК. Жалко дивчину, очень жалко.

САШКА И зачем только берут их на войну! Неужели без них не обойтись? Каково им среди мужиков-то...

Т о л и к спускается в блиндаж. Спустя минуту возвращается.

ТОЛИК. Слушай! Не говорит твой немец ничего. Понял? Ни номера части, ни расположения. Ничего, сука, не говорит. Но у капитана заговорит. А не расколется — к стенке!

САШКА. Чего городишь-то?

ТОЛИК. А чего с ним цацкаться? Раз молчит – туда ему и дорога.

САШКА. А ты бы заговорил, если бы в плен попал?

ТОЛИК. Чего ты равняешь?

САШКА. Так он, небось, тоже присягу принимал.

ТОЛИК. Кому? Гитлеру? *(Снисходительно.)* Ты что-то запутался, герой. Нельзя нас с ними равнять. Понял?

САШКА. Ты листовки наши для немцев читал?

ТОЛИК. Нет.

САШКА. То-то и оно. А там написано: обеспечена жизнь и возвращение на родину после войны. Вот так.

ТОЛИК. Так это если он добровольно сдастся, если расскажет все. А этого ты в бою взял, а говорить он, сука, ничего не желает.

САШКА. Ладно, дай покурить лучше. Труха у меня одна.

Т о л и к протянул С а ш к е кисет.

САШКА. У вас тут с табачком, видать, получше (*сворачивает сигарку*). Много капитан сегодня выпил?

ТОЛИК. По нему не поймешь. Как Катю вчера утром похоронили, так и начал...

САШКА. Как убило-то?

ТОЛИК. Шла из штаба в блиндаж, и убило... У нас здесь тоже потерь хватает.

САШКА. Ну, с нашими-то не сравнить.

ТОЛИК. Не скажи... Вы сами виноваты, капитан говорит, окопов вырыть не можете.

САШКА. Тебя бы туда. Рассуждать легко... Сам попробуй в мерзлой земле покопать. Земля – что камень. Малой саперной лопатой разве одолеешь? Выдохлись начисто. Мертвым вырыть – силенок нет, не то, что себе, живому, копать... Может, идти мне можно? Разберетесь тут с немцем без меня?

ТОЛИК (*насмешливо*). Разобраться-то разберемся, будь спок! Но не отпускал тебя капитан. Жди. Может, какие приказания ротному с тобой отправит. (*Подходит к дверям, прислушивается.*)

САШКА. Молчит, зараза!.. Рассказал бы все, выложил начистоту – и отпустил бы его капитан... Черт!

6

В блиндаже. К о м б а т ходит по блиндажу, сцепив руки за спиной. На столе, на русско-немецком разговорнике, поблескивает вороненым металлом пистолет.

КОМБАТ. Немца – в расход! (*Опускается на табурет, вытирая со лба пот.*)

САШКА. Товарищ капитан...

КОМБАТ Немца в расход!

САШКА (*бросился к Н е м ц у, схватив его за грудки, трясет и кричит*). Да говори ты, зараза! Говори! Убивать же будут, понимаешь? Шиссен будут! Тебя шиссен! Не понимаешь?

Н е м е ц заматал головой.

КОМБАТ. Прекратить! Не ломайте здесь комедию! (*Размяв папиросу, спокойно.*) Выполняйте приказание.

САШКА. Вы мне, товарищ капитан?

КОМБАТ. Вам. По исполнении доложить. Толик, пойдешь с ними, проверишь.

ТОЛИК. Есть проверить!

САШКА. Товарищ капитан... Товарищ капитан... Я ж обещался ему. Я листовку нашу показывал, где все сказано... (*Не м у.*) Где у тебя листовка? Где папир, который я тебе дал? Покажь капитану! (*Выхватил у Не м у а из кармана мундира аккуратно сложенную бумажку.*) Вот она, товарищ капитан! Там сказано... Вы ж по-немецки читаете?

КОМБАТ (*не двигаясь*). Сколько у вас в роте было человек?

САШКА. Как положено, сто пятьдесят, товарищ капитан.

КОМБАТ. А осталось сколько?

САШКА. Шестнадцать...

КОМБАТ. И все молодые, твои одногодки?.. Семь месяцев только повоевали, а кто – и того меньше. И ты гада этого жалеешь?

САШКА. Я... я... не жалею... (*Совсем тихо.*) Не могу я, товарищ капитан... я слово ему дал.

КОМБАТ. Какое право ты имел обещать что-то? И кому – фашисту!

САШКА (*запальчиво*). Он не фашист.

КОМБАТ. Повторите приказание, рядовой!

Пауза. Т о л и к, незаметно для К о м б а т а, несколько раз дергает С а ш к у за полу ватника.

КОМБАТ (*положив руку на пистолет, повысил голос*). Повторите приказание. Я жду!

САШКА (*едва слышно*). Есть, немца в расход...

КОМБАТ. Не слышу!

САШКА (*громче*). Есть, немца в расход.

КОМБАТ. О выполнении доложить!

САШКА. Есть, о выполнении доложить...

КОМБАТ. Теперь сначала и как следует!

САШКА. Есть, немца в расход. О выполнении доложить.

КОМБАТ. Выполняйте! (*Отвернулся от С а ш к и.*)

САШКА. Есть, выполнять (*попытался повернуться по-строевому, но у него не вышло*).

КОМБАТ. Отставить!

САШКА (*повторил поворот, громче*). Есть выполнять!

КОМБАТ (*глухо*). Выполняйте.

Не м е ц выходит первым, за ним – растерянный

С а ш к а. Их догоняет Т о л и к.

7

У блиндажа Комбата.

ТОЛИК (*визгливо*). Ты чего ломался? Из-за этой сволочи жизни лишиться хотел? Видишь, не в себе капитан. (*Н е м ц у, кричит.*) Твое дело – стоять!

САШКА. Ладно, не суети... Обещал я жизнь немцу. Понимаешь?

ТОЛИК (*не унимаясь*). Ты чокнутый, что ли? Тоже мне Рокоссовский выискался!.. Ты кто? Рядовой!.. Твое дело телячье. Приказали – исполняй! А ты... (*Н е м ц у.*) Стой, говорю!

САШКА. Не суети...

ТОЛИК. Боишься, что ли? Давай я. (*Поправляет автомат на плече.*)

САШКА. Горазды вы тут! Ты бы взял его наперед, а тогда уж...

ТОЛИК. Куда поведем фрица? Здесь решать будем?

САШКА. Нет, больно близко к штабу... За сарай пойдём, в сторону. А ты меня здесь подожди.

ТОЛИК. Чего-то ты крутишь, герой? Надеешься, одумается капитан. Нет, брат, он не такой...

САШКА. Дождись меня здесь... Приду, вместе на доклад пойдём.

ТОЛИК (*улыбаясь*). Ты капитана не знаешь, на руку он скорый... Учти. Из-за тебя и я рискую.

САШКА. Не пугай. С передка я.

ТОЛИК. Слушай, а куда ты трофей денешь?

САШКА. Какой трофей?

ТОЛИК. Часики фрицевские.

САШКА. А, часики... Что ж, трофей законный, в бою добытый. Ротному отдам... Ему без часов нельзя, а свои он разбил намедни при обстреле.

ТОЛИК (*помялся, небрежно*). Я бы тебе буханку черняшки дал... за часики-то... Обойдется твой ротный. Махры могу пачку впридачу! Идет?..

САШКА. Посмотрим... может, я тебе часики и за так отдам.

ТОЛИК. За так?

САШКА. За так... Только не мешайся. Подожди меня здесь. Договорились?

ТОЛИК. А чего я тебе мешаю? Я приказ получил – проверить.

САШКА. Потом и проверишь. А я хочу без тебя это дело сделать. Понял?

ТОЛИК. Как хочешь, мне на это смотреть – удовольствия никакого.

С а ш к а посмотрел на Н е м ц а. Н е м е ц начал расстегивать ремешок часов. С а ш к а останавливает

его жестом.

(Т о л и к у.) Часы потом тебе отдам... Понимаешь – потом!

ТОЛИК. Понимаю... Эх, фриц, надо было шпрехен. Ферштеен?.. А теперь уж пеняй на себя!

Н е м е ц вынул из кармана листовку и, бормоча: «пропаганден», «пропаганден», начал рвать её на мелкие кусочки.

САШКА *(кричит)*. Не смей рвать нашу листовку, слышишь, не смей! *(Пауза.)* Что, блюдешь свою солдатскую присягу – хорошо, тут ничего не скажешь. Только обидно, что зазря все это... Ведь вы за неправо дело воюете! Лучше бы сбросил повязку с глаз... *(Опять срывается на крик.)* Что, провалился ваш великий план окружения и взятия Москвы, да?! А сейчас Гитлер бросает вас в бессмысленное наступление! Подумай сам, взгляни правде в лицо... За что вы умираете, за что он вас под пули посылает? И не жаль ему своих... Зверь он! Скот!

ТОЛИК. Эх, задурили тебе голову, фриц...

Пауза. Все трое молчат.

САШКА *(кивнул Н е м ц у)*. Ну, пошли.

Н е м е ц идет, сложив руки за спиной. С а ш к а позади, с автоматом наперевес.

8

Овраг у ручья. На земле, на правом боку лежит С а ш к а, прижимая к груди левую руку. В двух местах рукав телогрейки прострелен, видны темные пятна крови. С а ш к а переворачивается на спину, какое-то время смотрит в небо, затем – на свою руку.

САШКА *(шевелит пальцами)*. Шевелятся... Черт, вот угораздило!

РОТНЫЙ *(подползая к С а ш к е слева)*. Я слышал выстрелы.

САШКА. Вот ранило, товарищ командир... Снайпер поймал, чтоб его... Вообще, очередь прошла стороной, срезало верхушки, а потом вдруг резануло что-то по руке... я даже не сразу понял. И так глупо – с котелком у ручья, не в атаке, не в бою.

РОТНЫЙ. Надо остановить кровотечение.

САШКА. Крови-то немного... Видно, уже мало осталось. *(Смеётся.)* Да и не

красная она совсем... бурая какая-то.

Ротный, лежа на земле, слегка приподнявшись, стаскивает с левой руки Сашки телогрейку. Достает из своей сумки пакет, рвет рукав гимнастерки и перевязывает Сашке руку.

САШКА. Бессмысленно умирать вот так, вдруг, когда зима эта бесконечная прошла... и снег уже сходит... неохота.

РОТНЫЙ. Мы все эти пять месяцев только и делаем то, что неохота.

САШКА. Закурить бы... Не завернете, товарищ командир?

РОТНЫЙ. Сейчас *(вынимает кисет и сворачивает большую сигарку)*.

САШКА *(закуривая)*. Черт, уж больно редок здесь лес... А фриц только и ждет, наблюдает, кто приползет за водичкой.

РОТНЫЙ. Извини, Сашка, что я тебя за водой послал... Ранение не страшное, одна из пуль, кажись, прошла по касательной. *(Посмотрел на небо.)* Хорошо, хоть сверху свободно, не летают, сволочи.

САШКА. Сколько же ракет надо иметь, чтобы вот так, все ночи подряд, запуливать их в небо без передыха? Вот заразы так заразы. Значит, у них навалом снарядов, мин, всего..?

РОТНЫЙ. Сильнее немец пока, и воюет осторожно, людьми не раскидывается, ночами бережется... *(Пауза.)* Не научились мы еще воевать, как следует... На ходу учимся... в боях... в холоде, без укрытий и окопов.

САШКА *(улыбнулся)*. И ни черта в жизни я еще не видел, кроме соседней деревни... в Ленинграде даже никогда не был. Только – школа, армия и фронт...

РОТНЫЙ. Быстро в санвзвод! По-легкому отделался – в руку... везучий.

САШКА. Больше всего донимает мысль, что немец настигнет и просто добьет. До отчаяния было бы обидно сдохнуть здесь. А если бы в плен взяли? Если раненый, там, или без сознания... Бр-р-р, даже страшно представить. Лучше сразу руки на себя наложить.

РОТНЫЙ. За нас праздник отгулай. Прижми там, в санроте, сестренку какую... за всех нас.

САШКА. Какой рукой?.. У меня там, в санроте, девушка есть, товарищ лейтенант. Красивая... Зиной зовут. Даже не знаю, жива ли она?.. Поцеловались всего несколько раз.

РОТНЫЙ. Давай, отваливай, нечего рассиживаться... Прирос ты, что ли?

САШКА. Я из санроты ни ногой, дождусь вас обязательно.

РОТНЫЙ. Ну, бывай, Сашок! Смотри, чтоб не добило. *(Забрав у Сашки гранаты, диск и оставив ему один автомат, уходит.)*

САШКА. Думал поначалу, что будем бить гадов на чужой территории и обойдемся малой кровью... Но все по-другому завертелось! И нету этой войне ни конца, ни краю... *(Пауза.)* Несмотря на то, что они лучше подготовлены и у них больше оружия... надо победить. Эх, машину бы снарядов да пару

«тридцатьчетверок», и – хана фрицам!

9

Госпиталь. Перевязочная. Военный врач и Зина в белых халатах, рядом – молодой Старший лейтенант.

ЗИНА. Проходите, раненый.

ВОЕНВРАЧ. Ко мне проходите, ко мне. Зина, снимите повязку. Фамилия?

Сашка протягивает документы. Военврач садится за стол, пишет.

САШКА (*удивлен, тихо*). Зина... ты? Это же... Просто не верится.

ЗИНА (*шепотом*). Потом... потом поговорим.

ВОЕНВРАЧ (*подходит к Сашке*). Пошевелите пальцами. Вот так. Еще... Кость не задета. Везучий ты, видать, Александр Прохоров! (*Отдает Сашке санкарту.*)

СТ.ЛЕЙТЕНАНТ. Опять в руку? И опять в левую!.. Обратите внимание, товарищ доктор. Что-то слишком уж много у нас таких ранений.

ВОЕНВРАЧ. Перевязывайте, Зина, перевязывайте.

СТ.ЛЕЙТЕНАНТ. Я повторяю, товарищ военврач, обратите на это внимание!

ВОЕНВРАЧ. У него два пулевых ранения.

СТ.ЛЕЙТЕНАНТ. Это ничего не значит. Они там, на передовой, умудряются по-всякому делать.

*Сашка, оторвав взгляд от Зины, оторопело смотрит на Старшего лейтенанта.
Пауза.*

САШКА. Я... я... сам себя? Да ты что?.. Ты что, старшой, сдурел, что ли?

Сашка шагнул на Лейтенанта. Зина, схватив Сашку за спиной, потянула к себе.

СТ.ЛЕЙТЕНАНТ (*поднялся*). Молчать! Прекратить истерику!

САШКА. Да ты роту... роту собери здесь... и я с тобой обратно на передок какой есть, раненый пойду! Понял? Пойдем! Пойдем с ротой-то? Да в наступление, да в разведку! Посмотрел бы я на тебя там.

Зина усаживает Сашку на табурет.

ВОЕНВРАЧ. Уйдите, старший лейтенант.
 СТ.ЛЕЙТЕНАНТ. Как его фамилия? Распустились там совсем на передовой.
 ВОЕНВРАЧ. Я прошу вас выйти... вы мешаете работать.
 ЗИНА (*перевязывает Сашку руку*). Успокойтесь, раненый... Успокойтесь.
 ВОЕНВРАЧ. Зина, морфий!
 САШКА. Ах, крыса ты тыловая! Окопался здесь, сволочь, в тылу...

10

На крыльце. Зина, поддерживая Сашку, усаживает его на скамейку.

САШКА. Что это я, психанул никак?.. Самострел – как можно до такого додуматься!
 ЗИНА. Ничего, ничего... Отдохнуть тебе надо. Успокойся, обойдется все.
 САШКА. А кто этот старшой?
 ЗИНА. Из штаба... А кто по должности, не знаю.
 САШКА. Вот оно что... Вы тут разве не слыхали, что меня сам комиссар батальона к награде представил... за немца... А он!
 ЗИНА. Ну его... Забудь об этом. Пойдем?
 САШКА. Погоди, дай закурю. (*Достаёт табак.*)
 ЗИНА. Давай заверну.
 САШКА (*удивленно*). Умешь?
 ЗИНА. Научилась. Просят ведь раненые.
 САШКА. Солнышко какое! (*Закуривает.*) На передке мы солнце недолюбливали. Из-за самолетов. При пасмурном, облачном небе было как-то спокойнее... Ну, как ты тут?
 ЗИНА. Что я! О себе расскажи. Ты как-то изменился, глаза больно серьезные стали.
 САШКА. Что рассказывать?.. Разве тебя кто-то спрашивает, что ты там чувствуешь? Только одно и слышишь: «Сашка — туда, Сашка сюда! Сашка, бегом в штаб с донесением! Сашка, помоги раненого нести! Сашка, этой ночью придется в разведку! Сашка, бери ручной пулемет!» Только ротный, бывало, хлопнет по плечу и скажет: «Надо, Сашок, надо». И я понимал – надо, и делал свое солдатское дело, как умел... Я совсем не думаю, что одно нахождение в холоде и голоде, без укрытий и окопов, под каждочасным обстрелом – это уж подвиг! Это условия... условия задачи (*смеётся*) по арифметике! Одним словом – живой я!
 ЗИНА. Вижу, Сашенька... Достался тебе обратный билет оттуда, счастливый билет... Я и не надеялась. Раненые такое рассказывали – сердце холодело. Спрашивала о тебе всех. И смешно – ни фамилии твоей не знаю, ни в какой роте ты,

ни в каком взводе... Никто толком мне ответить не мог. И так целых пять месяцев... Господи, хоть бы весточку какую прислал.

САШКА. Не до того, Зина, было... Досталось и тебе, я вижу. Похудела.

ЗИНА. Вначале, когда первые бои шли, раненых была уйма, уставала очень. Сейчас чуть посвободней стало. Все о тебе думала, как ты там...

САШКА. Думала-таки?

ЗИНА. А как же? Спас ты меня тогда.

САШКА. Ну, об этом ты не поминай... А зачем он приходил в перевязочную-то?

ЗИНА. Кто?

САШКА. Да старшой, этот.

ЗИНА. Кто его знает. Зашел зачем-то... Не помню.

САШКА *(настойчиво)*. А ты вспомни.

ЗИНА *(после минутного колебания)*. Ладно, скажу, все равно узнаешь. Завтра же Первое мая, праздник! Приглашал в штаб, на вечер...

САШКА. На вечер?

ЗИНА. Да... У них там патефон есть, баян... Танцы будут.

САШКА. Какие танцы? Врешь, Зина... Быть этого не может!

ЗИНА. Может. Еще как может, Саша. *(Пауза.)*

САШКА. погоди. Как же это так... В шести верстах фронт, а у вас тут – танцы. Первомай... выпивка, закуска?

ЗИНА. Успокойся, Саша, успокойся... Не пойду я, не волнуйся. Еще до тебя отказала.

САШКА. Да, не ходи, Зина. Понимаешь, нельзя это... Веселиться нельзя, когда все поля в наших! Усеяны и незахоронены?

ЗИНА. Понимаю. Не переживай ты. Сейчас уложу тебя на койку, отдохнешь, поспишь... Хлеба принести тебе, у меня осталось чуток.

САШКА. Не надо. Вот табачку бы... Кончился.

ЗИНА *(радостно)*. Есть у меня! Девчата на сахар меняли, а я оставила пачку.

САШКА. Надеялась все же, что вернусь?

ЗИНА. Не очень, Саша... но надеялась.

САШКА. Когда я шагал в госпиталь, то засыпал с одной лишь мыслью – скорей бы прошла ночь и наступило утро... Все ближе к тебе!

ЗИНА. Ничего-то у нас с тобой и не было... но забыть я тебя не могла.

САШКА. Я запомнил тебя в шинели не по размеру, с заплаканным лицом. А когда ты шепнула мне у вагона на прощанье, что будешь всегда ждать меня, то... *(обнимает и целует ЗИНУ)*.

С а ш к а, время от времени поглядывая в окно. Кроме него в палате еще трое раненых: двое – на костылях, у третьего одна рука отнята по плечо, другая без кисти. Б е з р у к и й едва слышно напевает медленную тоскливую песню.

РАНЕНЬИЙ. Ну, как там в Черново?

САШКА. Как-то... в Черново – хреново!

РАНЕНЬИЙ. По тебе видно – не с тещиных блинов пришел.

САШКА (*махнув рукой*). Повезло мне просто. Выиграл обратный билет, немногие возвращаются в тыл. Сколько их там, в полях... навсегда лежать осталось.

РАНЕНЬИЙ. Наступить опять на Москву фриц не думает?

ЖОРА. Тут все паникуют... Кто ходячие, сразу в тыл мотают. А мне вот на костылях далеко не уйти...

САШКА. Как здесь с кормежкой?

ЖОРА. Не густо... На завтрак ты уже опоздал, придется обеда дожидаться...

Послушай, может вместе рванем?

САШКА. Нет... мне и здесь неплохо.

БЕЗРУКИЙ. Ни шагу назад! Ха-ха... А что если японец поперет?

В палату входят В о е н в р а ч и С т а р ш и й лейтенант. Раненые встают.

СТ.ЛЕЙТЕНАНТ (*бодро*). Здравствуйте, товарищи бойцы!

ЖОРА. Здравия желаем, товарищ старший лейтенант!

ВОЕНВРАЧ. Лежите, товарищи, лежите. Как самочувствие?

БЕЗРУКИЙ. Обыкновенное. Курорт со всеми удобствами. Жрем от пуза.

Выздоровливаем, но не сдаемся!

СТ.ЛЕЙТЕНАНТ. Поздравляю вас с наступающим праздником и желаю скорейшего выздоровления и возвращения в строй.

БЕЗРУКИЙ. А водочки завтра дадут? Первомай ведь... На передке не баловали, так, может, здесь попотчуют?

ВОЕНВРАЧ. Обязательно. И покормить постараемся получше, хотя, сами знаете, положение со снабжением неважное. Распутица!

ЖОРА. А как с эвакуацией? Я в ногу раненый, сам не могу...

СТ.ЛЕЙТЕНАНТ. Для машин дороги пока непроезжие, а на подводах отправляем только тяжелораненых. Потерпите, товарищи, вот пообсохнет...

РАНЕНЬИЙ. Тогда и фриц попереть может.

СТ.ЛЕЙТЕНАНТ. Есть данные, товарищи раненые, что на нашем участке фронта немцы наступать не собираются.

ЖОРА (*смеётся*). Тогда, ребята, спокойно лежим и ждем завтрак!

САШКА. Разрешите обратиться, товарищ старший лейтенант?

СТ.ЛЕЙТЕНАНТ. Обращайтесь.

САШКА. Вы меня, товарищ старший лейтенант, простите за давешнее... Не в себе был.

СТ.ЛЕЙТЕНАНТ. Ну, ладно! Я тоже не прав был... погорячился немного. *(Обращаясь ко всем.)* Завтра, товарищи бойцы, командир бригады будет лично вручать награды. У меня нет с собой списков, но могу сказать наверняка, что кое-кого из вашей палаты можно будет поздравить.

12

На берегу Волги. Предзакатное солнце. Скамейка у обрыва. Где-то звучит гармонь, лают собаки, звенят ведра у колодцев.

ЗИНА. Видишь, как Волга блестит! *(Прижимается к С а ш к е.)* Я часто приходила сюда вечерами... Думала о тебе. Живой ли?

САШКА. От тебя пахнет лекарствами и духами... *(Целует З и н у.)* Чудно как... я запомню это навсегда!

ЗИНА. Не поверишь, но я тогда... впервые в жизни целовалась. Честное слово!.. Нет, был еще один раз, когда мне было лет пять или шесть... *(Смеётся.)* С соседским мальчиком Володькой, за дровяным складом. Мы прятались от наших бабушек... но это не считается *(смеётся)*. А потом – мне и не понравилось!

САШКА *(целует З и н у)*. Неужели я смогу целовать тебя и завтра, и послезавтра... Это просто чудо!

Они садятся на скамейку. С а ш к а расстегивает шинель З и н ы, обнимает её. З и н а мягко его отстраняет.

ЗИНА. Не надо, Сашенька, потом... Слабенький ты сейчас, израненный. Что с тобой сделали-то... *(Обхватив его руки, целует их, уткнулась в его ладони.)*

САШКА. Не надо... Ну, что ты плачешь? Пройдет это.

ЗИНА *(улыбается, утирая слезы)*. Я спиртику здесь малость достала. Ночью у вас дежурить буду... *(Достаёт огурец.)* Смотри, что раздобыла! У хозяйки выпросила. Здорово?

САШКА. Здорово! С гражданки не ел.

З и н а достала две кружки, поставила между собой и С а ш к о й, налила спирт.

ЗИНА. Ну, давай, Саша... За твое возвращение и за праздничек.

САШКА. За победу, Зина!

ЗИНА. Конечно. *(Они выпивают.)* Главное, что ты живой... Правду сказать, в последние дни я совсем надежду потеряла. Думала, вот и не успела узнать тебя как следует, не успела отблагодарить за то... что прикрыл меня своим телом, когда тот проклятый самолет налетел. Пули вокруг барабанят, у меня в глазах потемнело... Если бы ты меня не схватил, я бы побежала невесть куда и сама бы угодила под них. Я думала не встречу тебя больше... *(Разливает по кружкам остатки спирта.)* Ну, чокнемся?.. За встречу! *(Пьют.)* Рана не болит?

САШКА. Не болит *(вдохнув всей грудью воздух)*. Хорошо-то как... А как пахнет! Дым этот, трава... Я уж и не думал, что доживу, что увижу это солнце.

С а ш к а обнял З и н у, она положила голову ему на плечо.

Мне кажется, что все это происходит не со мной. Будто во сне снится... Еще утром я не мог представить себе этого. Знаешь, отошло куда-то все, что было в эти месяцы... Остался в мире только этот закат, гармонь, ты, твои руки, твои глаза... *(Пауза.)* Достается вам тоже... Пристают мужики-то?

ЗИНА *(не сразу)*. Пристают.

САШКА. А этот... «старшой», не лез к тебе?

ЗИНА. Понимаешь, Саша... *(Пауза.)* Нравлюсь я ему. Ухаживает он за мной, но... по-хорошему, без глупостей... Гулять приглашал.

САШКА. Ходила?

ЗИНА. Ходила. Два раза.

САШКА. Ну и что?

ЗИНА. Ничего. Он до меня даже пальцем не дотронулся... А вообще-то, Саша, девчонки наши не все выдерживают. Многие с кем сошлись, только бы другие не лезли. Надоедает же.

САШКА. Останусь у вас *(целует её)* и при мне никто к тебе лезть не посмеет.

ЗИНА. Конечно, милый *(целует С а ш к у)*. Месяц у нас только, Сашенька... А потом что, родненький? Что?

САШКА. Жизнь, видишь, какая-то ненадежная. Что впереди – неизвестно.

Издалека доносится грохот артиллерийского обстрела, в небо взлетают красные ракеты.

ЗИНА. Пойдем, пора мне, да и ты, вижу, притомился.

САШКА *(с тревогой)*. А меня не погонят от вас в какой-нибудь другой госпиталь?

ЗИНА. Нет. Но тебе в тылу будет лучше, чем у нас.

САШКА. Без тебя-то? Нет.

Они встают со скамейки. Делают несколько шагов. З и н а обнимает и целует С а ш к у.

САШКА. Небритый я... Да и вообще грязный я, оборванный...
 ЗИНА. Будто я не знаю, откуда ты!

13

*Палата. Горит одна керосиновая лампа.
 Раненый и Жора спят. Безрукий сидит на
 своей койке, уставившись в одну точку. Сашка сидит
 на кровати, на коленях у него книга.*

САШКА (*почти шепотом*). Мне один и тот же сон все снится: поле, снег... черные тени «юнкерсов» висят над ним, и маленькая черная точка, оторвавшаяся от самолета, летит прямо на поле, все увеличиваясь и увеличиваясь в размерах. (*Смеётся.*) И вдруг я понимаю – это моя бомба... и просыпаюсь!

БЕЗРУКИЙ. Заверни, браток. (*Сашка одной рукой сворачивает сигарку, сует Безрукому в рот.*) Вот какие дела, парень... Куда я теперь? Прибило бы лучше... Тебе-то повезло.

САШКА (*убирает книгу на подоконник*). Пробовал читать. Не могу... После того, что было, весь этот книжный мир с его выдуманными героями – не интересен. Странно, а ведь раньше я так любил читать?..

Издалека слышно, как играют на гармошке «Синий платочек». Жора просыпается.

ЖОРА. Празднуют штабные-то?

БЕЗРУКИЙ. Кто головы на фронте ложит, а у кого гулянки кажинный день.

САШКА (*равнодушно*). Шут с ними, пусть веселятся. (*Начинает медленно раздеваться.*)

БЕЗРУКИЙ. Веселиться-то вроде не с чего?..

ЖОРА. Праздник все же.

САШКА. Ты, брат, не завидуй. Сегодня они тут, в тылу, а завтра – могут там оказаться.

БЕЗРУКИЙ. Тебе-то что, поднесла сестрица выпить. Знакомая, что ли?

САШКА. Знакомая. Дадут завтра всем, обещал же доктор.

БЕЗРУКИЙ. Они дадут... Много тебе на передке водочки доставалось?

ЖОРА. После первого наступления богато досталось: граммов по триста. Не стали вычитать потери, выдали по списочному составу. Перед другими наступлениями давали по сто – и не почувствуешь!

БЕЗРУКИЙ. То-то и оно. Пол котелка жидкой пшенки на двоих – и будь здоров... Броня крепка и танки наши быстры!

ЖОРА. Распутица...

САШКА (*вздыхает*). Вот и закончился мой первый тыловой день... Черт, сна ни в одном глазу! (*Ворочается в постели.*) Тихо как вокруг, совсем непривычно.

14

Комнатка рядом с палатой. За столом, у керосинки, дремлет дежурная Медсестра, на коленях у неё раскрытая книга. Издалека слышен звук патефона, звучат довоенные вальсы. На пороге комнаты появляется Сашка.

МЕДСЕСТРА (*просыпаясь, недовольно*). Чего вам, раненый?

САШКА. А Зина еще не вернулась?

МЕДСЕСТРА. Вышла Зина... Чего тебе-то Зина далась? Сказала ведь я тебе уже...

САШКА. Где она?

МЕДСЕСТРА (*посмотрела на себя в зеркало, поправила прическу*). Ну... вызвали её.

САШКА. Куда вызвали? (*Унавишим голосом.*) Она же не хотела идти.

МЕДСЕСТРА. Хотела, не хотела! Приказали – и пошла... Мы люди подневольные.

САШКА. На гулянку идти приказать не могут. Не загибай.

МЕДСЕСТРА. А что вы на меня кричите, раненый?.. Аа-а, поняла... говорила Зина, что ждет с передовой одного. Это ты, что ли, будешь?

САШКА. Ну, я...

МЕДСЕСТРА. Если не приказали, так какой-нибудь предлог нашли... Ничего там с ней не случится. Поест как следует, выпьет, ну потанцует с кем... Ну, чего стоишь столбом? Иди на койку и не переживай.

САШКА. Я и не переживаю.

МЕДСЕСТРА. Вот и правильно. Подумай, сколько времени прошло...

САШКА. Причем здесь время?

МЕДСЕСТРА. Подумай... (*Усмехнувшись.*) Ну, не одна же она там с лейтенантом. Народу много, возможно и сам комиссар там... а при нем никакого баловства никто допустить не посмеет. Рана не болит?

САШКА. Да нет.

МЕДСЕСТРА. Ну, тогда ложитесь, раненый. Спите.

15

*С а ш к а курит и помогает курить Б е з р у к о м у,
периодически стряхивая пепел его сигареты в жестяную
банку.*

БЕЗРУКИЙ. А ты плюнь, парень!

САШКА. Ты это про что?

БЕЗРУКИЙ. Не сама она... Приходил лейтенант тот, уговаривал. Она вначале ни в какую: нельзя, сказала, веселиться, когда на фронте такое. А он ей: не на веселье тебя зову, а на прощанье... Отправляют его, как я понял, завтра в батальон то ли ротным, то ли помкомбатом. Ну, тогда она и согласилась ненадолго... *(Пауза.)* Ты-то оклемаешься, это все пустяки... а мне-то как? Как домой таким ехать? Думаешь, примет меня баба?.. Зачем я ей такой? Ей ребят кормить, себя да еще меня, прихлебая... Только не домой! А куда?..

*С а ш к а поднялся, надел брюки, обулся, накинул на плечи
телогрейку.*

БЕЗРУКИЙ. Э-э, куда это ты удумал?

САШКА. На двор выйду.

БЕЗРУКИЙ. Только не вздумай на гулянку идти, выслеживать свою... Знаю я вас, молодых да горячих!

САШКА. Да духота здесь.

БЕЗРУКИЙ. И смотри мне – только без глупостей! Оружия-то трофейного нет у тебя случаем?

САШКА. Нет. Был «вальтер», ротному подарил.

БЕЗРУКИЙ. Ну ладно, приходи скорей... Вдвоем да с разговором – легче как-то.

16

*Дорога в лесу. Ж о р а и С а ш к а. Ж о р а одних лет с
С а ш к о й; он ранен в ногу, опирается на самодельный
костыль.*

ЖОРА. Ты чего скучный такой идешь?

САШКА. А чего радоваться-то?

ЖОРА. Главное – живые! Понимаешь, живые?.. Из такой мясорубки – и живые... Как же не радоваться?!

САШКА. Тяжелая у тебя рана?

ЖОРА. Кость перебита.

САШКА. Не знаю, дорога эта... вся размыта, в колдобинах, пустые поля... Идем без еды, без крова... Знаешь, меня это все как-то не веселит.

ЖОРА. Думаешь, мне жрать неохота? Думаешь, не устал я? Но все это мелочи жизни. Главное – солнце вижу, небо, деревушки. И впереди жизни несколько месяцев! *(Радостно.)* Утро какое! Воздух! Красота-то какая!..

А тишина?

САШКА. Курево у нас к концу-то.

ЖОРА. Подумаешь – курево! Ерунда! Попросим где-нибудь табачку... Все это суета сует. Главное, к жизни идем, Сашка, к жизни!

САШКА. А почему ты в санроте не остался?

ЖОРА. Свободы, брат, захотел. Три года я в армии, и все по приказу делать приходилось. А сейчас иду куда и как хочу. Захочу, на травке поваляюсь, захочу, в любой деревне остановлюсь, а захочу – мимо пройду. Свобода, брат, великое дело! Хоть на месяц, хоть на два!.. А в санроте – врачей слушайся, сестер слушайся, начальство приветствуй!..

САШКА *(угрюмо)*. Понял, понял.

17

Бабино. У колодца стоит Лейтенант. Правая рука у него перевязана до плеча, видны пятна проступившей крови. Лейтенант тонкой струйкой льет на кисть воду из ведра.

САШКА. Здравия желаем, товарищ лейтенант!

ВОЛОДЬКА. Попить, что ли?

ЖОРА. И попить можно.

ВОЛОДЬКА. Сейчас освобожу ведро. *(Выливает остатки воды на руку.)*

САШКА *(улыбнувшись)*. У вас правая ранена. А у меня – левая!

ЖОРА. Зачем это вы?

ВОЛОДЬКА. Боль унимается. Ранен-то я в предплечье, а болит кисть. Жмет, спасу нет, а водой смочишь – легчает.

САШКА. Мы спросить хотели, товарищ лейтенант, а продпункт где находится?

ВОЛОДЬКА. Продпункт? Ха-ха-ха... Был он, продпункт! Но зимой! А сейчас – нету... Перевели куда-то.

САШКА *(с удивлением)*. Как перевели?

ВОЛОДЬКА. Я вторые сутки топаю, у баб картошечку выпрашиваю.

САШКА. Продуктов нам на дорогу не дали, только продаттестаты. Отоварить, сказали, их можно только здесь, в Бабино.

ЖОРА. И куда же его перевели?

ВОЛОДЬКА. А хрен их знает! Поближе к тылу, наверно... Вы утром лопали чего?

ЖОРА. Нет.

ВОЛОДЬКА. Я тоже. В первой же деревне жрать будем просить. *(Вздыхает.)* Хотя деревни теперь все разорены... Самим жрать нечего. *(Сплевывает.)* Ладно, беру все на себя. Не дадут – купим. Денег у меня навалом!

САШКА. Ну, что ж, товарищ лейтенант, вместе тогда пойдем?

ВОЛОДЬКА. Брось ты «лейтенанта». Не в строю мы. Володькой меня звать. Из Москвы я. Вас-то как?

САШКА. Александр я, а он – Жора.

ВОЛОДЬКА. Срочную служили?

САШКА. Ага. Я с тридцать девятого, а он...

ЖОРА. ...с тридцать восьмого.

ВОЛОДЬКА. Я тоже два года отгрубил рядовым. А как война началась, послали на трехмесячные и вот кубари привесили. А они мне... Я привык за себя отвечать, а тут всучили взвод, да почти все из запаса... *(С а ш к е.)* Нам с тобой расставаться нельзя: у меня левая здоровая, а у тебя – правая. Две руки у нас на двоих, одним словом. *(Хохочет.)* Не пропадем!

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1

Дорога в лесу. Лейтенант Володька, Жора и Сашка.

ВОЛОДЬКА. Значит, говоришь, погоним немца?

САШКА. А разве не так?

ВОЛОДЬКА. Так-то так, но скажи, откуда у нас такая глупая уверенность? Разве ты на передке не убедился, что немец пока сильнее нас, организованнее, умелее...

ЖОРА. Вот именно – умеет, гад, воевать. Только бросьте вы о войне. До сих пор звон в ушах.

ВОЛОДЬКА. Забыть хочешь?

ЖОРА. Я тишину слушаю... Я знаю, через два месяца, как штык, опять на передке буду. Но думать об этом не хочу. Нам теперь часом жить надо. И если час

твой – радуйся!

ВОЛОДЬКА. Валяй, радуйся... Отгуляй свои два месяца по полной. И бабёшку обязательно себе найди побаловаться!

ЖОРА. А знаете, странное дело, о женщинах совсем не думаю!.. Даже во сне не снятся.

САШКА. А с чего им сниться-то?

ЖОРА. Нет, странно все же... Молодой ведь я.

ВОЛОДЬКА. Довела тебя, знать, Жора, передовая. Смотри, на всю жизнь можно таким остаться. Ха-ха...

ЖОРА. Неужто! Разве у вас не так?

ВОЛОДЬКА. У нас? Нам с Сашкой только подавай! (*Хохочет.*) Верно, Сашок?

ЖОРА. Нет, правда?

САШКА. Ну, какие бабы, Жора... Мысли у нас совсем другие: где пожрать, где курица достать...

ЖОРА (*вздыхает*). Читать пробовал. Не могу. После того, что было, весь этот книжный мир с его выдуманными героями – неинтересен! А я ведь так раньше читать любил...

Выходят на опушку леса.

ВОЛОДЬКА. Ну что, присядем, перекурим?

*С а ш к а правой рукой сворачивает сигарки себе и
В о л о д ь к е. Они закуривают.*

Все! Не могу больше, не дойду... (*Морщится.*) Рука горит.

ЖОРА (*садится левее от курящих, навистывает*). Скоро придем в госпиталь. Мало осталось.

САШКА. Брось, Жора, свистеть!

ЖОРА. А что?

САШКА. Место вроде не для свиста. Бои были... люди погибали.

ЖОРА (*уходя*). Да ну вас... пойду прогуляюсь.

ВОЛОДЬКА. С него еще телячий восторг не сошел... Все радуется, что живым остался. Но что поделаешь?.. Света и дорога, и доля одинаковая – терпи, приноравливайся друг к другу.

САШКА. Лейтенант...

ВОЛОДЬКА. Опять? Да идите вы к черту со своим «лейтенантом». Сказал вам – Володька я... Так и зовите.

САШКА. А почему именно так – Володька!?

ВОЛОДЬКА. Так ребята в роте прозвали: лейтенант Володька. С одной стороны я как бы лейтенант, а с другой – Володька, свой в доску, значит.

САШКА. Ну, ладно, Владимир. Давно хотел спросить: почему ты звания

командирского не хотел? Мой ротный тоже, когда кубарь ему повесили, совсем не радовался.

ВОЛОДЬКА. Значит, не дурак ротный твой.

САШКА. Я понимаю, людей на смерть посылать трудно, но все же лучше такие командиры, как вы, кадровую отслужившие, чем из училища «фазаны» желторотые. Разве не так?

ВОЛОДЬКА. Может, и так... У меня все «отцы» были во взводе из запаса, семейные все... Ох, как не хотелось им помирать. А я: вперед, мать вашу так, вперед!.. Вы рядовые, вам что, вы никого на смерть не гнали... Всю жизнь помнить буду, как глядели на меня ребята, когда я им приказ на наступление выкладывал...

САШКА. Приказ же.

ВОЛОДЬКА. Что приказ?.. Мне сержант мой, помкомвзвода, который еще на гражданской воевал, советовал завести взвод за балочку и там переждать немного; чуял он, захлебнется наступление... А я ни в какую! Все вперед! А ребят косит то слева, то справа. Ключья от взвода летят! Потом залегли, невозможно дальше было, и через минуту-две – отход. А если бы в той балочке переждали, считай, полвзвода сохранил бы. Понимаешь, Сашок?.. Знаешь, я долго спать не мог... Перед глазами маячили разбросанные по полю, окровавленные, то скрюченные, то распластанные еще не захороненные русские парни, мои одногодки, которым жить бы да жить... Ну как после этого, а?

САШКА. Выходит, рядовым-то спокойней?

ВОЛОДЬКА. Еще бы. Рядовой только за себя в ответе. Да что говорить!.. Я тоже забыть все хочу, как и Жора. Но не выходит!

САШКА. Как ты думаешь, надолго война?

ВОЛОДЬКА. По-моему, надолго, Сашок... Как бы немец опять на Москву не начал наступать. Всего двести километров от Ржева, а он там уперся – не сдвинешь... Оттуда может и начать.

За деревьями, в глубине, раздается взрыв. В о л о д ь к а и С а ш к а вскакивают и с криком «Жора!» бегут в лес.

2

Поворот лесной дороги. На пригорке, разметав руки, на спине лежит мертвый Ж о р а. На его ватнике – бурые пятна крови, на лице застыла улыбка. С а ш к а и В о л о д ь к а стоят молча.

ВОЛОДЬКА. Сколько верст от передка... и вдруг.

С а ш к а медленно снимает ушанку. Глядя на него, В о л о д ь к а снимает пилотку.

САШКА. Никогда не снимал шапку там... все некогда было.
А потом как-то привыкли... (*Указывая на подснежник рядом с Жорой.*) Смотри, Володь, подснежник. За ним он, наверно, и пошел, дурак...

ВОЛОДЬКА. А я все смеялся над ним... (*Подражая интонации Жоры.*)
«Смотрите, ребята, цветок какой! Красота!» (*Сашке.*) Эй, не ходи!

Сашка, не послушав Володьку, аккуратно ступая и оглядываясь по сторонам, проходит несколько шагов и поднимает фуражку. Возвращается и накрывает ею лицо Жоры.

САШКА. Понимаешь, из города он, наборщик типографский, родную природу только по воскресеньям видел... оттого и восторженный такой.

ВОЛОДЬКА. Медальон ищи.

Сашка присев возле Жоры, распахивает его ватник, шарит в кармане гимнастерки.

САШКА (*найдя футляр из черной пластмассы, раскрывает его, извлекает оттуда бумаги и читает.*) Не Жора он – Григорий.

ВОЛОДЬКА. Спрячь. В госпиталь дойдем, напишем родным.

САШКА. Напишем... только правды не надо.

ВОЛОДЬКА. Конечно. Погиб смертью храбрых в боях за Родину.

САШКА. Может, лапником его закидать?

ВОЛОДЬКА. Не надо. Так увидят его, проезжая, захоронят...

САШКА. Жора, Жора... Пройти бои такие страшные, а по дороге в тыл погибнуть... Как же это нелепо.

ВОЛОДЬКА. Прощай! (*Достав из кармана пистолет, стреляет в воздух.*)
Эх, напиток бы!..

3

Володька и Сашка подходят к покосившемуся зданию сельского клуба, дверь которого на замке. На лавочке, перед клубом, сидят несколько женщин и ведут беседу. Одеты они бедно, но чисто и опрятно.

ВОЛОДЬКА и САШКА (*вместе*). День добрый, вам!

Женщины закивали в ответ и рассматривают солдат: кто с любопытством, кто с безразличием или

раздражением, кто с жалостью.

ВОЛОДЬКА. Идем весь день, а до Бахмутова никак не дойдем... Продпункт там у нас. Их, черт возьми, как нарочно, с места на место переводят... и знать никто не знает – куда?

ЛЮБА. До Бахмутова, поди, еще верст пятнадцать.

НИНА. Течет река покалеченных, и всех приюти, всех накорми, а чем?.. А с февраля, как наступление пошло, около сотни вас за день проходит.

САШКА. Раненые мы. С фронта... Придется просить у вас ночлега, темнеет уже.

НИНА. Довоевались!.. Докудова немца пустить решили? До Урала, что ли?

ВОЛОДЬКА *(зло)*. Неужто и куска хлеба мы у Родины не заработали? На передке кровь проливали, голодали, дорогой побирались и теперь...

САШКА. Двадцать верст оттопали сегодня... без курева, без еды.

ЛЮБА *(улыбнулась)*. У нас тут черед установлен, кому вас, горемычных, принимать.

ВОЛОДЬКА. Порядок, значит, установили?

ЛЮБА. А как же! Вы ведь все норовите дом-то поприглядней выбрать, а достаток сейчас у всех один. Это когда при мужиках были, так разнились. А теперь одни бабы работники, вот и сравнялись все. И выходит – одни чуть ли не каждый день раненых принимают, а другим не достается.

ВОЛОДЬКА. Может, у вас и такой порядок заведен – кормить раненых?

ЛЮБА. Конечно. На то черед и установили. С едой, конечно, у нас не очень... А как жить? Картошки чуток осталось, на посадку только.

САШКА. Ничего-ничего, еще повоюем немного... и немца прогоним!

ЛЮБА. Степанида, сегодня твой черед. Принимай гостей.

СТЕПАНИДА. Ну, пошли ко мне, герои перемаянные... Как в вас душа-то держится?

САШКА *(улыбнулся)*. Держится покамест.

ВОЛОДЬКА *(С т е п а н и д е)*. Муж-то воюет?

СТЕПАНИДА. Воюет, если живой...

ВОЛОДЬКА. А писем, что, не шлет?

СТЕПАНИДА. Нет... Он тоже, наверное, вот так, где-то по чужим хатам, если живой. Только вряд ли...

ВОЛОДЬКА. Ну, почему? Обязательно живой должен быть. Обязательно!

НИНА. Вам легко говорить... Вы-то живые вышли.

Неловкая пауза. Славки поднялась Паша – молодая, стройная женщина в выцветшем, но все еще красивом платке; из под кофточки видны красные, словно калина, бусы. Она внимательно, изучающе смотрит на Сашку.

ПАША. Этого ясноглазого я к себе возьму. Пойдешь, парень?

САШКА. Так с лейтенантом я...

ПАША. Ничего. Лейтенант твой к Степаниде пойдет, а ты ко мне. Он сегодня тебе не начальник.

ВОЛОДЬКА (*усмехаясь*). Иди, иди. Раз тебе персональное приглашение, отказываться не следует.

САШКА (*неуверенно*). Ну, если ты не возражаешь...

ВОЛОДЬКА. Иди, иди. Хозяюшка-то твоя ничего... Не зря зовет.

ПАША. Ладно, ты зубы-то не скаль, командир. Раз зову, значит причина есть. Понял?

ВОЛОДЬКА (*ухмыльнулся*). Как не понять.

САШКА. Согласный я... Пошли.

ЛЮБА. Видали – согласный он! Да Пашка у нас, поди, первая красавица на деревне, а он сомневается еще!

ВОЛОДЬКА. Смотри, Сашок, не теряйся.

ПАША. Заткнись, лейтенант! На мужиков-то вы уже не похожие, а мысли кобелиные все оставить не можете. Куды вам не теряться? До постели бы ноги дотянули... (*К С а ш к е.*) Ну что, парень, пойдем. Зовут-то как?

САШКА. Александром.

ПАША. Александром? Я думала, по-другому тебя кличут.

САШКА. Почему?

ПАША. А так! (*Рассмеялась.*)

4

Изба Паши. Печь, стол, скамья, на стене фотографии в рамке.

ПАША. Ты пока отдыхай, покури, а я сейчас соберу на стол.

С а ш к а рассматривает фотографии.

ПАША. Вот этот в полушубке – муж мой, Максим... в финскую взятый.

САШКА (*глядя на фотографию*). Веселый, видать, он у тебя был?

ПАША. Может, щетину сбреешь? Дам я тебе и помазок, и бритву.

САШКА. Хорошо бы.

ПАША (*кладет на стол перед С а ш к о й бритву, мыло, полотенце*). Ну вот, побреешься, умоешься и вечерять будем. Здорово голодный-то?

САШКА (*брется*). Голодный... (*Смущаясь и робея.*) Что вы так смотрите? (*Глядится в зеркало.*) Что, молодой очень?

ПАША. С какого года ты?

САШКА. С девятнадцатого.

ПАША. Поначалу подумала, что постарше будешь. А щетину сбрил –

мальчишка совсем!

САШКА. А вы с какого?

ПАША (*улыбаясь*). Даже в нашей деревне вся малышня знает, что у женщин годов не спрашивают! И не выкай ты мне, не тетка я тебе.

САШКА. Хорошо, Паша.

ПАША. Ты скажи, почему идете такие? Кожа да кости... Не кормят вас на войне, что ли, или, пока дойдете сюда, тощаете?

САШКА. Нашему брату зимой под Москвой еще хуже было...

П а ш а накрывает на стол, С а ш к а с удивлением за ней наблюдает.

САШКА. У вас что, немца не было?

ПАША. Бог миловал. Чуток только не дошел.

САШКА. То-то я смотрю, еда у тебя уж больно богатая. И грибочки, и сало... и огурцы соленые. С детства люблю!

П а ш а достает бутылку с самогонем. Разливает по стаканам. С а ш к е – полный, себе – половину.

ПАША. За что выпьем-то?

САШКА. За победу, конечно.

ПАША. Ну, до победы еще далече... Давай за встречу, за знакомство!

С а ш к а выпивает одним махом, не поморщившись; закусывает не торопясь, медленно.

Небось, догадался, почему позвала я тебя?

САШКА (*оглянувшись на фотографию*). Вроде как...

ПАША. Очень уж похож ты на моего Максима. Как увидела, так и ахнула. Одно лицо. Надо же... Как фамилия твоя, может сродственник ты с Максимом?

САШКА. Прохоров.

ПАША. Нет, другая совсем... Пропал Максим. Так с финской и не отпустили. На западную границу сразу послали. Там в первых боях наверное и сгинул.

САШКА. Может, в плену?

ПАША. Нет, на Максима не похоже. Не из таких он...

САШКА. Из каких ни будь, а всякое бывает... Ты надежду не теряй.

ПАША. Нет, Саша, чует сердце – пропал мой Максим... Ты закусывай как следует, не стесняйся (*наливает С а ш к е еще полстакана*). Тяжело видно так вот – без дома, без своего угла, без вещей... без людей близких?

САШКА. Да, но поначалу только... (*пьет*). Потом привыкаешь.

ПАША. Эх ты, бедненький!

САШКА. Да, мы больше пешком... под открытым небом. (*Засмеялся.*)

Странно есть вилкой... Неделю тому была развороченная снарядами передовая, а тут вдруг – изба, стол, картошка в мундире, печка...

ПАША. Эх ты, бедненький... На полу спать будешь?

САШКА. Куда положишь, там и буду.

П а ш а расстилает на полу матрас, достает подушку, одеяла.

ПАША. Ну, ложись...

5

Утро. С а ш к а и П а ш а за столом.

ПАША (*наливает полстакана С а ш к е, подвигает тарелку с закуской*). Ну, а теперь за победу!

САШКА (*выпил, огляделся*). Странно, мне кажется, что я здесь все знаю, будто в доме родном... Встретились мы случайно и дня вместе не пробыли, а ведь помнить тебя весь век буду.

ПАША. Брось погибать-то! Знаю я вас.

САШКА. Нет, правда, Паша. Я врать не люблю.

ПАША. Может, остаться хочешь? Передохнешь недельку... Фельдшер у нас есть, рану перевяжет.

САШКА. Нахлебником, что ли? Нет, Паша... И лейтенанта бросить не могу, сдружился за дорогу.

ПАША. Ну что ж, воля твоя. Насчет нахлебника – ерунда. Неделю тебя покормить мне без труда – одна ведь я.

САШКА. А детей разве нет у тебя?

ПАША. Были бы – увидел... Нет, не задались у нас с Максимом дети. Уж кто виноват, не знаю. Раньше переживала, а теперь думаю, что и к лучшему.

Стук в окошко.

Наверное, дружок твой, лейтенант этот.

П а ш а вышла в сени, слышны голоса. Возвращается с лейтенантом В о л о д ь к о й.

Проходи!

ВОЛОДЬКА (*насмешливо*). Жив мой Сашка?

ПАША. Жив... Видишь, не съели! Присаживайся, выпить тебе оставили.

ВОЛОДЬКА. Неужто? Этим Степанида меня не потчевала.

ПАША. Не за что, значит, было... Сашку благодари. Я бы тебе, зубоскалу, ни капельки не дала.

*С а ш к а наливает полный стакан и подвигает
В о л о д ь к е.*

ВОЛОДЬКА. За ваше здоровье! (*Опрокинул стакан одним махом, зажевал огурчиком.*) О, грибочки какие! (*Подмигнув.*) Ну, как спалось, Сашок?

ПАША. Хорошо спалось, не волнуйся. И перестань лыбиться.

ВОЛОДЬКА. Ты, может, остаться решил?

САШКА. Нет, Володь. Вместе путь начали, вместе и закончим.

ВОЛОДЬКА. Если ради меня...

САШКА. Давай собираться. (*Надевает телогрейку.*)

ПАША. Уже? Погодите немного. Соберу чего-нибудь вам в дорогу.

Погодите... (*Складывает в холщовую котомку хлеб, сало, лепешки, несколько картофелин, завязывает узлом, вешает С а ш к е на здоровое плечо.*)

САШКА. Словно из дому ухожу.

ПАША. Жалко мне тебя, солдат Сашка... перебьют вас всех на этой войне.

САШКА. Век тебя не забуду... (*П а ш а подходит вплотную к С а ш к е, закрывает ему ладонью рот.*)

ПАША. Хорошо, что ты такой совестливый. Ну, бывай!

САШКА. Ну... может, встретимся еще, всякое бывает.

ПАША. Бывает.

6

За деревней. Дорога.

САШКА (*глядя на понурого В о л о д ь к у*). Что, никто по плечу не хлопает, не умиляется тебе, твоему ранению, твоему геройству, самогону не выставляет?!

ВОЛОДЬКА. Да не в выпивке дело... Просто глаза прячут, если на ночь пустят. И напряжение такое на лицах... только бы еды не попросили или еще чего. А утром, когда уходишь, замечаешь как они облегченно вздыхают.

САШКА. Когда мы из Владика по Сибири сюда, под Ржев, катили поезда наши приветствовали, руками махали, бабы некоторые даже крестом осеняли наши вагоны – едут защитники Родины! А здесь...

ВОЛОДЬКА (*сплевывает*). Будто мы виноваты, что война до их деревни докатила... чуть ли не до Москвы самой. (*Пауза. Заулыбался.*) К обеду дойдем до настоящего госпиталя, и там все законное получим – и постель, и довольствие... У нас уже столько еды набралось за три дня! Целая буханка черняхи...

САШКА (*оглядывается на деревню*). Не знаю, придется ли еще здесь побывать... (*Улыбнулся.*)

ВОЛОДЬКА. Приголубила, значит?

САШКА. Не в том дело... Хорошая женщина очень, сердечная. Звала остаться на недельку.

ВОЛОДЬКА. Я догадался. Чего ж ты?

САШКА. Да ни к чему это.

7

Палата в госпитале. Окна высокие, кровати в два ряда. Несколько раненых лежат, остальные стоят. Среди них С а ш к а, лейтенант В о л о д ь к а. В центре стоит И н т е н д а н т – майор лет пятидесяти, с заметным брюшком; его круглое лицо, сытое и румяное, чисто выбрито. Рядом с ним молодой К а п и т а н, худой, аскетичного вида.

ИНТЕНДАНТ. Тише! В чем дело, товарищи?

РАНЕННЫЕ:

- На передке голодовали, дорогой побирались, и тут то же самое!..
- Неужто и куска хлеба у Родины не заработали?
- Кровь проливали и жизни ложили – за что?
- По двадцать верст оттопали без курева, без еды...

ИНТЕНДАНТ (*очень спокойно*). Тише, не все сразу! По одному говорите. Кто хочет высказаться?

Внезапно воцарилась тишина.

ВОЛОДЬКА. Почему такие порции – курам на смех? Хлеба на завтрак и обед мы не получали, товарищ интендант. Куда наши порции хлебные пойдут? У нас же продаттестаты за четыре дня не отоварены...

ИНТЕНДАНТ. Почему вы, лейтенант, сюда попали? Есть командирские палаты, туда и отправляйтесь.

ВОЛОДЬКА. Это к делу не относится. Я на передке из одного котелка с бойцами хлебал, в одной цепи в атаку ходил!

ИНТЕНДАНТ. Успокойтесь, товарищ.

ВОЛОДЬКА. Какая разница, где я нахожусь? Я за всех говорю! Почему бардак такой?

ИНТЕНДАНТ. Успокойтесь, товарищи. Вы же сознательные бойцы и должны понимать: снабжение неважное из-за транспорта, дороги размыты... вот пообсохнет

и ...

1-й СОЛДАТ. На распутицу нечего сваливать – железная дорога в трех верстах.

ИНТЕНДАНТ. Успокойтесь. Вы после передовой жадные до еды – так что и мамку родную слопать готовы.

ВОЛОДЬКА. Жадные?! (*С а ш к е.*) На наших харчах в тылу такую морду отъел!

В И н т е н д а н т а летит тарелка, пролетела мимо уха и ударилась в стенку.

КАПИТАН (*побледнев*). Кто это кинул? Отвечать!

2-й СОЛДАТ (*шепотом*). Вроде лейтенант вмазал.

3-й СОЛДАТ (*шепотом*). Он самый...

КАПИТАН. Говорите немедленно, кто это сделал?

Все молчат.

ИНТЕНДАНТ (*презрительно*). Трус какой-то схулиганил. Нету мужества сознаться.

САШКА (*опережая движение В о л о д ь к и, вышел вперед*). Ну... я бросил!

КАПИТАН. Вы?

САШКА. Ну, я... А что?

КАПИТАН. Вы понимаете, что совершили?

САШКА. А чего? Ну, не подумавши сделал. Так майор тоже, не подумавши сказал... Значит, квиты.

КАПИТАН. Хулиган! Разболтались там на передовой!

САШКА. Передовую не трожьте! Мы на ней Родину защищали! Кровь проливали...

ИНТЕНДАНТ. Отдыхайте, товарищи. А вас, лейтенант, завтра на утреннем обходе я надеюсь увидеть в другой палате. Спокойной ночи, товарищи. (*Вместе с Капитаном уходит.*)

ВОЛОДЬКА. Видишь – отъели здесь, в тылу, хари... (*Шепотом.*) Зачем ты признался, дурак, судить ведь могут... не ты же кинул.

САШКА. Плевать я хотел! Дальше передка не загонят... А меня там и так ждут не дождутся!

8

Крыльцо госпиталя. С а ш к а и В о л о д ь к а курят.

ВОЛОДЬКА. Ты чего вылез? Тебя кто просил? Я сам за себя отвечу!

САШКА Володь, думаешь, я это не подумавши сделал? Соображаю я...

Понимаешь, какой с меня, рядового-ваньки, спрос? На меня и время тратить жаль... А ты лейтенант. С тобой разговор другой: и разжаловать могут, и под трибунал отдать. Понял?.. Обдумал я все. Ты только не колыхайся.

ВОЛОДЬКА. Сволочь, значит, я? Ты за меня под суд, а я в кусты... Не пойдет так. Пошли к майору!

САШКА (*схватив Володьку за рукав*). погоди! Слышь, погоди! Дай досказать.

ВОЛОДЬКА. Ну чего?

САШКА. Не лезь на рожон... Давай так договоримся – уж если на меня начнут дело шить, тогда поступай, как знаешь, а пока подождем. Может, обойдется все. Договорились?

ВОЛОДЬКА (*затянулся папиросой*). Ну, ладно, если так. (*Закашлялся.*) Спасибо, Сашок...

9

Небольшая комната. Стол, ряд стульев, на одном из них сидит Сашка. За столом – молодой Капитан. На стене висят портрет Сталина и карта СССР. Капитан долго, сверлящим взглядом, смотрит на Сашку.

КАПИТАН. Фамилия?

САШКА. Прохоров. Александр.

Капитан смотрит на Сашку в упор. Тот опускает глаза.

КАПИТАН (*постукивая карандашом по столу*). Вы понимаете, что совершили?

САШКА. Виноват, товарищ капитан... Черт попутал. Сам не знаю, как это получилось. Обидно стало, вот сгоряча и махнул этой тарелкой... Но в майора я не хотел. Так, об пол бросил. Звону захотелось...

КАПИТАН (*удивленно уставился на Сашку*). Звону захотелось? Знаете, чем этот звон для вас обернуться может?.. Да врите вы все.

САШКА. Чест... чистую правду говорю.

КАПИТАН (*глядя на Сашку в упор*). Не вы это сделали.

САШКА. Разве не я? Тогда чего меня допрашиваете?

КАПИТАН (*кричит*). Вы мне здесь дурочку не валяйте! (*Спокойно.*) Советую говорить правду.

САШКА (*с притворным покаянием*). Чего мне темнить, товарищ капитан... Зачем? Виноват – и все. Если можно простить, простите. А нельзя... ну что ж, тогда

отвечать буду. Сгоряча только это сделано... в лихорадке. У меня же тридцать девять и пять три дня было...

КАПИТАН (*холодно*). Знаю. Но отвечать придется... С лейтенантом этим вы из одной части?

САШКА. Нет. В пути познакомились.

КАПИТАН (*закурил, внимательно всматриваясь в Сашку*). Так... значит, только по дороге познакомились?

САШКА. Да, в дороге.

КАПИТАН. Дальше идти можешь?

САШКА. Куда это?

КАПИТАН. Ну... (*ехидно*) в другой какой-нибудь... эвакогоспиталь.

САШКА. А зачем, товарищ капитан?

КАПИТАН. А затем... (*постукивая карандашом, зло*) чтоб духу твоего здесь не было! Понял?

САШКА (*радостно*). Понял! Я, товарищ капитан, домой задумал, мать повидать, пока вне строя. С тридцать девятого служу. Значит, можно?

КАПИТАН (*протягивая Сашке документ*). Держи свою санкарту и мотай, куда хочешь – домой ли, в другой ли госпиталь, но чтоб здесь я тебя больше не видел. Ясно?

САШКА. Ясно, товарищ капитан!

КАПИТАН. И – по-тихому, понял?

САШКА. Как не понять! Сегодня после обеда и махну.

КАПИТАН. И смотри, чтоб таких эксцессов больше не повторялось. И лейтенанту этому своему передай! Распустились там... Иди.

10

Сашка и лейтенант Володька курят во дворе госпиталя.

САШКА. Понимаешь, с лейтенантом этим я осторожненько беседовал; все тихо, мирно, вот он и отпустил... А ты бы на базах начал, и все дело бы испортил. С порога бы начал правоту свою доказывать... Знаю я тебя!

ВОЛОДЬКА. Я, Сашка, ничего не боюсь – ни трибунала, ни передка... но, когда бросил эту тарелку, опомнился – мать же меня ждет, а я по своей глупости встречи её лишаю. Ведь ребята мои наверняка отписали ей, что ранило меня, мы ж там адресами менялись. И будет она меня ждать... в «отпуск по ранению». Да что говорить, должник я твой на всю жизнь.

САШКА. А я бы здесь с удовольствием остался.

ВОЛОДЬКА. Я – ни за что! В Москву! Домой!

САШКА. Врач же тебе сказал: ранение серьезное. Куда же тебе дальше идти?

Придется полежать недельку, дожидаться транспорта. Теперь до самого Калинина никаких госпиталей и продпунктов не будет.

ВОЛОДЬКА. Нет, не могу. Добраться бы только до Калинина или Клина, а там – до Москвы рукой подать! А в Москве этих нейрохирургических госпиталей знаешь сколько! Но сначала ко мне зайдем, посидим-поговорим, песен с мамой попоем, а утром – к трем вокзалам.

САШКА. Мне с Казанского.

ВОЛОДЬКА. Главное, санкарты получить, это наш единственный документ, без них – никуда. С санкартой можно на любой поезд, до любой станции...

*С а ш к а достаёт из кармана санкарту и показывает
В о л о д ь к е.*

Ладно, я к врачу побегу за своей. Вместе отсюда и смогаемся! Станция-то недалеко (*убегает*).

*С а ш к а свернул сигарку, закурил неспешно, подставив
лицо солнцу. Спустя минуту-две возвращается
В о л о д ь к а. Он расстроен и молчалив.*

ВОЛОДЬКА. Ч-черт! (*Плюется.*) Не отдают карту. Врач не отпускает. Ни в какую! Грозился под охрану посадить... (*Пауза.*) Знаешь что, черт с ней, с этой санкартой! Мотанем без неё!

САШКА. Нет уж, Володь, больше глупостей я тебе делать не дам. Хватит!

ВОЛОДЬКА. Во, каким командиром стал! Не понял: мы с тобой что, местами поменялись?

САШКА. Не командир я, но постарше тебя буду... на десять месяцев. Ты жеребчик еще не объезженный. И горячий уж больно!

ВОЛОДЬКА. Ладно... согласен. Прав ты, как всегда... Давай провожу тебя до станции. Беги быстрее, соберись.

11

Дорога. С а ш к а и Н е м е ц, стоящий поодаль.

САШКА (*тихо, сам себе*). Какая это страшная вещь – неограниченная власть над другим человеком... Она соблазняет, провоцирует... нет, нет, не мое это! Не могу я над безоружным издеваться... (*Взглянул на Н е м ц а, затем поднял голову к небу.*) Видишь, дождь начинается?... (*Протянул руку перед собой.*) Черт, свалился ты на мою голову! Сидел бы я сейчас с ребятами у костра... и горя не знал. Странно, ведь фашистов, что пришли на мою землю без спросу, я ненавижу, стрелял бы их

нелюдей, гадов, без устали... а тебя, вот, не могу. Не могу я стрелять в беззащитного... Комбат хочет – пусть стреляет! Человек же ты...

Немец достал пачку сигарет, вопросительно взглянул на Сашку.

Кури, кури... Будем надеяться, что это – не последняя твоя сигарета.

Немец протягивает зажигалку вместе с пачкой сигарет Сашке.

Не надо.

Немец закурил, настойчиво предлагая сигареты с зажигалкой Сашке.

Не надо... себе оставь. *(Посмотрев на Немеца.)* Ты, студент, совсем как я, чем ты от меня отличаешься? Такой же – солдат. Одет только в другую форму, одурачен только своим Гитлером, обманут своими офицерами... *(Подходит к Немецу, берет у него сигарету и закуривает.)* Понимаешь, какую задачу ты мне задал?.. Ты вот листовку порвал, «пропаганден, пропаганден» бубнил, а каково мне было глядеть, как ты нашу листовку рвешь?.. А что я мог сказать, когда из-за капитана вышло так, что брехней эта листовка оказалась. А это не так! Правда она! И писалась людьми повыше Комбата... *(Кричит в лицо Немецу.)* Я впервые, считай, отказался подчиняться начальству, понимаешь? Из-за тебя, язвы, я приказ не выполняю. А я всегда привык приказы выполнять. Бесприкословно! В первый раз, понимаешь, усомнился в справедливости офицерского приказа...

Сашка бросил окурок, Немец тоже бросил. Так они и замерли, стоя друг против друга.

12

На обочине лесной дороги сидят Сашка и лейтенант Володька. Сашка завершает свой рассказ.

САШКА. А взгляд у немца – лучше бы не видеть!.. Знаешь, глаза всегда умирают раньше тела. Померкшие глаза и мука в них: чего тянешь, чего душу выматываешь? Кончай скорей... И тут послышался какой-то крик со стороны Чернова. Я обернулся и обмер – вдалеке маячила высокая фигура Комбата, шедшего ровным, неспешным шагом напрямиком к нам, а рядом с ним ординарец Толик. Меня

прошибло ледяным потом, сдавило сердце... Черт, идет Комбат, проверять, исполнен ли его приказ! За моей спиной тяжело задышал немец, тоже увидевший идущих... Комбат был без шинели и без фуражки, воротник гимнастерки расстегнут, незатянутый ремень оттягивался кобурой, но походка была твердая. Шел как танк. И некуда уже тебе деваться... Танк, он и есть танк! А в душе все нарастало: нет, не буду, не буду!.. Пусть сам Комбат стреляет. Или своему Толику прикажет. Нет, не могу...

ВОЛОДЬКА. Есть в уставе такое: командир обязан добиться выполнения своего приказа во что бы то ни стало и, если нужно, оружие применить. Или просто за невыполнение приказа – тебя на месте...

САШКА. И стал я шаги капитановы считать: раз, два... семь, восемь... двенадцать... двадцать, двадцать один... тридцать... тридцать четыре... Я все же нашел в себе силу выйти навстречу и, остановившись, вытянулся под стойку «смирно» и уставился в лицо Комбата. Тот тоже остановился, широко расставил ноги и глянул на меня, но долго взгляда не задержал и перевел его на немца... Комбат затянулся сильно папиросой и вроде задумался, уставившись в землю... За спиной только шумно глотал слюну немец и какая-то мертвая тишина вокруг.

ВОЛОДЬКА. Понимаю, я всегда испытывал такое перед атакой...

САШКА. Комбат докурил и, шагнув ко мне, уперся в меня своим немигающим взглядом. А я вдруг ощутил, как окрепло во мне чувство собственной правоты. Ну, что будешь делать? – подумал я. – Меня стрелять? Ну... стреляй, если сможешь, все равно я правый, а не ты... Ну, стреляй... Ну... А сердце колотилось, как бешеное... И отвернул глаза капитан. «Пойдем», — сказал он ординарцу. Уже на ходу, на миг остановившись, Комбат повернулся ко мне и бросил: «Немца отвести в штаб бригады. Я отменяю свое приказание.» Я даже не мог ответить («есть»), голос пропал, прошептал только... Вокруг все враз закружилось! «Повторите приказание, боец!» – словно издали услышал я голос капитана и, набравши воздуха, выдохнул: «Есть отвести немца в штаб бригады!» «Выполняйте!» – сказал Комбат и зашагал так же ровно и неспешно...

Пауза.

ВОЛОДЬКА. Мда... случай... Дай-ка лапу, Сашок... (*Стиснул С а ш к и н у руку в крепком рукопожатии.*) Я бы не смог.

САШКА. Непростое это дело человека убить... Люди же мы, не фашисты. (*Пауза.*) Знаешь, Володь, я даже и про немца забыл... Помню только удаляющегося Комбата, церквушку разрушенную, синеющий бор вдалеке и голубое небо, словно впервые за этот день увиденное. Коли живой останусь, подумал я, то из всего, что я не передке перевидал и пережил, этот день будет самым памятным... Ну, чего ты на меня глаза пялишь? Ничего во мне такого особенного нету! Просто есть у меня в душе заслон какой-то или преграда, переступить которую я не в силах...

В лесу. Рядом со станцией.

ВОЛОДЬКА. Ну вот, вроде и конец нашей одиссеи...

САШКА. Давай присядем на дорожку, перекурим. *(Присев на повалившееся дерево, оба закуривают.)*

ВОЛОДЬКА. Слышишь, Сашок, шум поезда? Железная дорога, видать, совсем близко! *(Достав из внутреннего кармана примятый конверт.)* Я тут письмо третьего дня матери сочинил. Адрес на конверте. Это в Марьиной Роще.

САШКА. Что это за роща такая? Село?

ВОЛОДЬКА. Ну, деревня! Это район такой в Москве. Запомни, от Рижского вокзала минут десять пешком, всего-то. *(Смеётся.)* Это не двадцать верст, как мы с тобой каждый день... Спросишь – тебе любой покажет. Только обязательно к мамке зайди и все ей подробно расскажи. Как мы тут с тобой... Она у меня учительница – любит, когда все подробно... Отца у меня нет, погиб случайно перед войной.

САШКА. Я тоже без отца рос... Отправил матери два письма с передка, неизвестно, дошли ли?

ВОЛОДЬКА. Ну, а если зайти не получится, то просто опусти в ящик. *(Пауза.)* А солнце-то как припекает... *(растегивает ворот гимнастерки).* Сашок, сегодня же 19 мая! *(Хохочет, громко.)* Помнишь? Нет? Пионерские линейки до войны... Мамки гладили нам белые рубашки и красные галстуки! С цветами в школу... и все такое... Я всегда просыпался в этот день с особым настроением, всегда ждал. Уроки сокращали в этот день и двоек никто не ставил. Господи, хорошо-то как до войны было!

САШКА. Давно это было... Я уж и забыл.

*С а ш к а и В о л о д ь к а поднялись, обнялись.
Здоровыми руками похлопали друг друга по плечу.*

ВОЛОДЬКА. У нас же с тобой, брат, две руки на двоих!.. Черт... никакие слова в голову не лезут... Знаешь, у нас с тобой классное прошлое – передовая, пехота... пешком значит.

САШКА. Да не на век же расстаемся?

ВОЛОДЬКА *(почти кричит)*. Да, на век, на век!.. Если и живыми останемся, то вряд ли сведут нас еще дороги военные.

Пауза. Длинный гудок паровоза.

ВОЛОДЬКА. Послушай, Сашок, а если в госпиталь не заходить, а махнуть на станцию, на поезд, и прямо – в Москву?

САШКА. Нет, Володь, передохнуть нам малость необходимо. Без этого в

такой путь трогаться нельзя.

ВОЛОДЬКА. Да нет, давай в Москву. *(Странно смеётся.)* Эй, кто здесь старший?

САШКА *(достает из кармана санкарту)*. А это ты видел?

ВОЛОДЬКА. Черт с ней, с санкартой этой! Мотанем без неё, а?

САШКА. Нет уж, Володь – в госпиталь. Видишь, здесь написано: направлен в госпиталь. Бахмутово. Нам надо санкарты отметить, печати поставить. Это наш единственный документ, без них нам никуда. Без них – мы дезертиры... Ссанкартой можно на любой поезд, до любой станции.

ВОЛОДЬКА. Да черт с ними, с санкартами...

*В о л о д ь к а достает из кармана револьвер.
Подбрасывает, ловит и играет им.*

САШКА. Володь, да сдай ты этот пистолет, к лешему, зачем он тебе сейчас?

ВОЛОДЬКА. Я с детства, Сашок, оружие обожаю... сколько пугачей у меня было – не перечить! А перед армией раздобыл настоящий «смитт-вессон». А за этим «вальтером» я полночи по полю боя на брюхе полз к убитому фрицу. Ты что, ни в жизнь не брошу.

САШКА. Чудак ты, право. При твоём характере разве можно оружие в кармане носить!?

ВОЛОДЬКА *(осклабьась)*. Сейчас уже поздно характер менять... да и не время. Я драчун! И всегда был таким, с детства... Всегда был один, один – против всех! Сколько себя помню, всегда с синяками ходил... Я, Сашка ничего не боюсь – ни передка, ни трибунала, вообще ничего...

*В о л о д ь к а направляет дуло револьвера на С а ш к у.
Они пристально смотрят друг на друга.*

ВОЛОДЬКА. Санкарту полож сюда... *(Кричит, ослабившись.)* Понял?

САШКА. Володька, ты что?.. Сдурел?

ВОЛОДЬКА. Я повторять не привык. *(Прицеливается.)* Не понял?

*С а ш к а медленно кладет санкарту на ствол
повалившегося дерева. В о л о д ь к а берет документ и
прячет в нагрудном кармане, не сводя с С а ш к и глаз.*

ВОЛОДЬКА. Ну, пока, Александр, как бишь там тебя... *(махнув рукой)* безотцовщина! Хорошо с тобой было идти. Одним одеялом укроемся, прижмемся друг к другу и разговорами да куревом тоску разгоним... Не могу я тебя прихлопнуть... что-то в тебе есть! Совестьливый ты уж больно, как сказала баба твоя.

САШКА. Отдай!

ВОЛОДЬКА. Не отдам.

САШКА. Отдай, кому говорю!

ВОЛОДЬКА. Да не отдам я тебе.

САШКА. Сержант, говоришь? Володька? Ха...

С а ш к а и В о л о д ь к а долго, не мигая, смотрят друг на друга. Молчание. Слышно только пение птиц.

ВОЛОДЬКА (*кричит*). Не по пути нам, понимаешь! Разные мы... Разные – пойми ты это! Между нами линия фронта: ты – здесь, а я – там! Ты дурак, а я – нет!.. У тебя одна война, а у меня – другая! (*Смеётся.*) Второй фронт.

Пауза. В о л о д ь к а стреляет из револьвера вверх.

Вот она твоя третья пуля... повезло тебе еще раз! Дурак, иди, подставляй свой лоб, будешь лежать в болоте и гнить. Тебя даже лапником некому будет забросать... (*Достал из кармана пачку денег.*) Возьми деньги. купишь хлеба, папирос... Когда ты еще к себе доберешься. Будь здоров, придурок!

Сделав несколько шагов назад, В о л о д ь к а резко поворачивается и уходит, не оглядываясь.

САШКА (*кричит*). Эй, Володька! Володька, вернись!.. (*Плюет.*) Да пошел ты... Псих.

С а ш к а побежал за В о л о д ь к о й. Остановился. Затем, подняв с земли толстую сухую ветку, со всей силы бьет по стволам окружающих деревьев, пока та не превращается в щепки.

Сволочь... «Две руки на двоих, две руки на двоих...» Сволочь! Сука... Сука...

Опустившись у дерева на землю, С а ш к а сидит неподвижно.

Может и нашивки у него чужие... Может и не Володька он совсем? Как же теперь людям верить... Это еще страшнее чем в окопах, чем в бою... Значит есть еще что-то похуже войны?

По его лицу текут слезы. Слезы досады и бессилия.

ЭПИЛОГ

Тот же вокзал, что и в «прологе». В реальном времени, после разговора Кати и Тони с Сашкой, прошло не более десяти минут. Вокруг – тот же постоянный гул людских голосов, те же гудки паровозов и та же музыка с объявлениями посадок из репродукторов. Девушки, попрощавшись с Сашкой, побежали искать свой поезд, а он, сидя на скамейке под фонарем, мирно задремал. С а ш к а спит и во сне слышит голоса.

ЗИНА. Достался тебе обратный билет оттуда. Я и не надеялась... Спрашивала о тебе всех. И смешно – ни фамилии твоей не знаю, ни в какой ты роте, ни в каком взводе... Никто толком мне ответить не мог. И так целых семь месяцев...

КАТЯ и ТОНЯ. Саша, вам в Клину выходить, а там через 15 минут пересядете на московский... Хотя расписания точного нет.

ПАША. После того, как ты ушел, я целый день плакала и думала, что начнется мука, но потом пошли необыкновенные дни, и все обернулось в радость. Только прошу тебя, пожалуйста, научись целоваться, ты ведь взрослый, иначе не возвращайся!

ЖОРА. Однажды в книге, которую мы как-то ночью набирали в типографии, я прочитал одну фразу и запомнил её навсегда: «Мертвые или уехавшие не умерли и не уехали. Они навеки остаются в нашем сердце. Они всегда живы». Слышишь, Сашка, они всегда живы!

Проходя по перрону, мужчина лет сорока, на костылях, без ноги, в старом коротком довоенном плаще и кепке, бывшей когда-то модной, останавливается возле уснувшего на скамейке С а ш к и. Мужчина долго смотрит на спящего, затем подходит к нему и тормозит за плечо.

САШКА (молниеносно просыпаясь). Что? Где?..

МОСКВИЧ (улыбаясь). Ну что, герой, отвоевался?

САШКА. Я?.. Да!.. Что случилось?

МОСКВИЧ. Не надо здесь спать. Время беспокойное... Можешь проснуться без вещмешка.

САШКА. Да устал я очень... всю ночь в поезде, уснуть не мог... рука ноет. (Смотрит на часы.) Еще час ждать!

МОСКВИЧ. Мне меньше. (Присаживается на скамейку, достает старинный портсигар, раскрывает и протягивает С а ш к е.) Куришь?

САШКА (улыбнулся). А как же!

МОСКВИЧ. С какого фронта едешь? Погоди, помолчи, я сейчас сам угадаю. (Внимательно оглядев солдата.) С Калининского!

САШКА *(радостно)*. А как вы догадались?

МОСКВИЧ. Да больно уж ты помятый, ободранный... именно такие с Калининского и идут. *(Смеётся.)* Не бойсь, я и сам оттуда...

МОСКВИЧ. А сколько же лет-то тебе, герой?

САШКА. Двадцать три уже... на днях.

МОСКВИЧ. А выглядишь моложе. Намного.

К скамейке, где сидят мужчины, поспешно приближаются Катя с Тоней.

САШКА *(улыбаясь, громко)*. О, мы уже где-то встречались!

КАТЯ. Мы перепутали перрон. Нам на другой путь!

ТОНЯ *(хохочет)*. Совсем дурочки, да?

САШКА. Милые вы мои... Спасибо вам за питание, теперь мне на три дня с лихвой хватит. *(Обнимая и целуя каждую.)* Живыми останьтесь только... живыми и непокалеченными, конечно... Это нам, мужикам, без руки, без ноги прожить еще можно, а вам как же?.. Берегите там себя!

КАТЯ. Тогда – до свидания!

САШКА. Авось, свидимся. На фронтовых дорогах всякое бывает...

Девушки, смеясь, убегают.

ТОНЯ *(оглядываясь на ходу)*. Увиделись второй раз, значит – увидимся и третий! *(Смеётся.)*

Сашка долго смотрит им вслед, затем возвращается на скамейку.

САШКА. Вы, я вижу, тоже воевали?

МОСКВИЧ. Да. Под Ржевом... разумеется.

САШКА. Надо же! Почти рядом! А мы чуть севернее Оленино.

МОСКВИЧ. Я только третий месяц, как с госпиталя домой вернулся... Один живу... чем себя занять, ума не приложу. Хорошо подвернулась сестра, здесь недалеко живет, она одна с двумя пацанами, муж на фронте пропал без вести... строю ей дом.

САШКА *(посмотрев на костыли)*. Строите!.. Это как?

МОСКВИЧ *(засмеялся)*. Не строю, скорее – ремонтирую... Как, как? *(Стучит себя по лбу.)* Если здесь не опилки, русский мужик всегда приноровится... и сделает невозможное! *(Пауза.)* Да, уже два месяца. Первый месяц еще кое-как... а сейчас места себе не нахожу... хоть волком вой... вокруг все так карикатурно, люди какие-то мелкие, совсем одноклеточные... такая тоска! Если бы не сестра – точно бы с ума сошел...

САШКА. А вы до войны кем были?

МОСКВИЧ. Я? *(Улыбается.)* Учителем физкультуры! В одной... обычной московской школе. В Марьиной роще.

САШКА. Это за Рижским вокзалом, что ли? *(Москвич кивает.)* Ух ты!

МОСКВИЧ. А ты что, тоже оттуда?

САШКА. Нет, нет... Просто там у меня один знакомый... жил. Вместе воевали.

МОСКВИЧ. Так вот: однажды мне мой коллега, учитель русской литературы, сунул в руки толстый том и сказал «Коля, прочти! Не пожалеешь!» Это было «Хождение по мукам» Толстого, но не графа, а другого... его родственника, что ли? Ты читал?

САШКА. Нет... я ведь только семилетку закончил.

МОСКВИЧ. После войны обязательно прочти. Запомни – «Хождение по мукам»! Там так удивительно правдиво описана война 14 года, то бишь – Первая мировая... От солдат требовалось только одно – упрямо и послушно умирать в тех местах, что указаны на карте... короче – ложиться под земляные холмики на полях, у дорог... В одной операции пять тысяч сибирских стрелков, отборных мужиков уложили, как стадо баранов... падали как снопы. Бездарное командование отправило их на заведомую смерть под нескончаемый пулеметный огонь. Эшелоны отправлялись без оружия... винтовка была одна на пятерых и каждый ждал когда убьют соседа... а в рукопашную шли с палками... Представляешь? Такая страна – и ничего не было готово, глупая стратегия боев, народу полегло немеренно... Прошло больше двадцати лет – и ничего не изменилось!

САШКА. Ну, вы и сравнили!?. Четырнадцатый год! Нет, сейчас все по-другому!

МОСКВИЧ *(ухмыляясь)*. Говори, говори... Не я ли лежал в тех же полях, что и ты!

САШКА. Согласен: и промашки начальства, большого и малого, были, все ошибки и недогадки своего ротного я, конечно, замечал, и недостаток снарядов и мин постоянно... Да и с распутицей этой, на которую теперь все валят, что-то не так. Разве зимой продуктов нельзя было заготовить?.. Не научились еще воевать, как следует... Что командиры, что рядовые. И учеба эта идет на ходу, в боях... и никто не виноват, что она идет прямо по моей жизни. Ведь, считай, двадцать лет войны не было, жили в мире...

МОСКВИЧ. Я часто езжу по этой ветке... в окно смотрю – кухни дымят, сквозь маскировку танки виднеются, позиции для артиллерии по всем правилам... Такая уйма народу и техники. Меня обида брала: там люди жизни клали, а ни курева, ни жратвы, ни боеприпасов... ничего не хватало.

САШКА. Ну, не везде же так?.. *(Пауза. Они курят и молчат.)* Вы это просто от обиды говорите. Ногу потеряли, тяжело вам... я вас понимаю. Но, действительно, обида вам мешает видеть правду. Под Ржевом, здесь мне нечем бить, все хреново... Но ведь есть и другие фронты? Мне ребята рассказывали, что там намного лучше – и с организацией, и с боеприпасами... Мы, ржевские, наверное, какое-то исключение...

МОСКВИЧ *(улыбаясь)*. Эх, сосунок, сосунок... Ты за год на передке так ничего и не понял. Совсем юный... умом. Тебя что взяли на войну из седьмого класса, прямо из-за парты?

САШКА *(обиженно)*. Почему? Все как положено: училище, потом лагерь... *(Вздыхает.)* До войны я толком ничего и не видел... кроме соседней деревни. Даже в Ленинграде никогда не был.

МОСКВИЧ. А по физкультуре, что у тебя было?

САШКА *(расплылся в улыбке)*. Конечно – отлично!

МОСКВИЧ. Ну, слава богу, хоть здесь все нормально... *(Пауза.)* А я вспоминаю передовую почти каждый день. Не могу не думать, не хочу – а думаю!.. И все перед моим взором маячат разбросанные по полю, окровавленные, полураздетые, то скрюченные, то распластанные, еще и не захороненные, простые русские парни, твои одноклассники, которым бы жить бы еще и жить, если бы не война...

САШКА. Я тоже столько смертей повидал за эти месяцы... смерть давно перестала быть событием – как когда-то, в мирной жизни... вот в чем ужас!

МОСКВИЧ. Да, зима была очень тяжелой. Если и вторая такой же будет... уж и не знаю!

САШКА. Как вы думаете, война надолго?

МОСКВИЧ. Скорее всего, надолго... Как бы немец опять на Москву не начал наступления. Всего двести километров до Ржева... оттуда он может и начать. И по сводкам там, на Калининском, все не прекращаются бои местного значения...

САШКА *(ухмыляясь)*. Да, по радио они называют это «бои местного значения»! Х-м... Я бы этих дикторов привез на передок и заставил бы их посмотреть эти бои... своими глазами...

МОСКВИЧ. Под Ржевом мы очень выдохлись. Нажмет немец, и сможет за Волгу нас откинуть... Каждый день включаю радио и боюсь – вдруг там началось?

САШКА. Мы, рядовые, пехота – главные люди на войне... Нас и больше всех. Я не против командования, но сила в нас, в пехоте... мы всегда впереди!

МОСКВИЧ. Да, кто этого сейчас не понимает, потом поймет... *(Обнимая Сашку за плечо.)* Понимаешь, солдат, мы оказались в самое трудное время в самом трудном месте... да еще в самой трудной должности – солдатской!.. *(Пауза.)* Герой, документы у тебя в порядке?

САШКА *(хлопнув себя по нагрудному карману)*. Все как положено!

МОСКВИЧ. Ну, смотри...

САШКА. Мне из Москвы еще трое суток ехать. Хочу проведать мать с младшей сестренкой.

МОСКВИЧ. В Москве на вокзалах патрули, проверяют документы... у таких, как ты. Если у тебя там нет какой-то печати, какой-то подписи... лучше выпрыгнуть на окраине и дальше добираться пешком... *(Пристально смотрит на Сашку.)* Парень, послушай, как ты говоришь, обиженного – спрыгивай в пригороде! На подъезде к Москве, в Останкино, минут за десять до вокзала, поезд сильно снижает скорость...

М о с к в и ч открывает портсигар, протягивает его застывшему в оцепенении С а ш к е, тот в растерянности берет две папиросы. Раздается гудок паровоза, спустя минуту объявляют посадку.

Вот и мой поезд... Пора. Ну... бывай, солдат! (*Протягивает С а ш к е руку, тот её крепко жмет.*) Надеюсь, повезет тебе! (*Пауза.*) Странно... я вот только что вдруг понял, что те девять месяцев на фронте были... были и наверное останутся... самыми главными в моей жизни. (*Отойдя на несколько шагов, оборачивается, кричит.*) А после войны обязательно сходи в библиотеку!

М о с к в и ч исчезает в вокзальной толпе. С а ш к а долго стоит без движения, будто заколдованный. Спустя несколько минут возвращается к скамейке, садится, закуривает. Сидит, задумавшись.

САШКА. Вот так... встретишь человека – и сразу расставаться приходится. Приходится все время прощаться и прощаться с... хорошими людьми...

Чудно как... (*долго разглядывает человеческий вокзальный «муравейник»*) кофточка накрахмаленные, платица пестрые, каблочки стучат... мужики в плащиках, при галстуках... с портфелями да утренними газетами в руках. Праздник сегодня какой-то, что ли?.. Красноармейцы все такие сытые, лица румяные, обмундирование новенькое, оружие блестит... А мне казалось, что вся Россия в грязных сапогах и рваных шинелях ходит.

Будто сон мне снится. Словно и войны нет никакой... Словно не бушует, не обливается кровью всего в двухстах верстах отсюда горящий, задымленный, в грохоте и тяготе фронт. Или сном был Ржев?.. Не пойму. Совместить это вместе – невозможно!

Не пережить, наверное, мне этой войны... потому как в пехоте я и судьба моя заведомо ясна: передок, ранение, госпиталь... и опять передок. Это если будет везти. А сколько может везти? Ну, раз, как вот сейчас, ну два... не вечно же? А война, мне кажется, будет долгая... Точно – прибудут в каком-то из боев... и лежать мне у опушки леса, там, перед тремя ржевскими деревеньками...

А если окажется, что вдруг забеременела Паша?.. А я и знать не буду, что появился у меня сын или дочь в какой-то деревне... Прямухино, кажется. Что тогда? Я даже фамилии Пашиной не знаю. Так ведь и письма не напишешь... Ладно, жив останусь – обязательно в это Прямухино поеду. Найду Пашу. Может, и женюсь на ней... если Максим её не вернется.

Протяжный гудок паровоза.

Этот – мой... Ну, вот и опять дорога!

Как я люблю это шипение тормозов, эти протяжные гудки, пыхтение паровоза... толпящихся пассажиров... весь этот вокзальный шум. Сядешь в поезд, а за окном – все замелькает, все поплывет... Это предощущение дороги, неведомого... Даже ни на минуту не приходит в голову, что это, может быть, дорога в никуда... твоя последняя дорога?... Странно даже, что это так волнует тебя, просто будоражит.

Да, даже когда неизвестно, что впереди? Главное – это ощущение дороги, пути... своего пути...

Контактные телефоны:
8 911 835 6496 - моб.
(812) 404 61 96 - дом.
e-mail: lottin66@list.ru
ЮРИЙ